

Об авторе

Родился в 1971 году, по национальности карел. Окончил исторический факультет Петрозаводского университета.

Трудовую деятельность начал рабочим на нижнем складе Олонецкого леспромхоза. В 1989–1991 годах служил в Советской армии, в составе Западной группы войск. Работал машинистом котельной МП «Теплосеть», преподавателем истории в сельских школах, корреспондентом районной газеты «Олония».

С 1995 года активно занимается политической деятельностью.

Работал штатным помощником депутата Госдумы Жореса Ивановича Алферова, дважды избирался депутатом Законодательного Собрания Республики Карелия.

В 2012 году за критику зюгановского управления снят с руководящих постов в карельском отделении КПРФ и исключен из партии.

В настоящее время журналист, блогер, активист РКРП и Российского Объединенного Трудового Фронта.

ЛОЖЬ И ПРАВДА
ОБ УРОЧИЩЕ

С А Н Д А Р М О Х

Александр
Степанов

АЛЕКСАНДР СТЕПАНОВ

**ЛОЖЬ И ПРАВДА
ОБ УРОЧИЩЕ
САНДАРМОХ**

Петрозаводск, 2021

УДК 94(470.22)
ББК 63.3(2)614-361
С 79

Степанов, Александр Михайлович.
С 79 Ложь и правда об урочище Сандармох / Александр Степа-
нов. - Петрозаводск : 2021. - 164 с. : ил.

УДК 94(470.22)
ББК 63.3(2)614-361

© А. Степанов, 2021

Оглавление

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Книга, рожденная в интернет-дискуссиях..... 5

Часть первая

САНДАРМОХ И ЕГО ПЕРВООТКРЫВАТЕЛИ

О лесном урочище и Юрии Дмитриеве 11

Потомки палачей в роли обвинителей 13

«Положил на стол пистолет и спросил,
на каком основании мы начали раскопки» 17

Станный «винегрет» из политики и уголовщины 22

Часть вторая

ПОЧЕМУ У «МЕМОРИАЛА» НЕ СХОДЯТСЯ ЦИФРЫ?

От шести до десяти тысяч..... 26

19 километров между Медгорой и Сандармохом 29

Как бандиты стали политическими..... 32

Раскопки, которые были и которых не было..... 38

Что у нас получилось с цифрами? 40

Вынесли порицание — значит, тоже репрессированный 41

Вспоминая Сандармох, вспомните и про Выборг..... 46

Часть третья

ПЕРВЫЙ СОЛОВЕЦКИЙ ЭТАП

Телеграмма Ежова..... 49

За что расстреляли Железняк? 51

Сандармох как «кладбище украинской интеллигенции» 56

«Участвовал в вооруженном выступлении» 66

«Белое воинство, белая кость...» 68

О белой альтернативе	76
Бандиты, воры, коррупционеры	78
Всякая власть от Бога?	86
Жертвы «крестового похода против СССР»	90
Кто вы, ксендз Карпинский?	92
«Переходил границу и принял мусульманство»	96
«И татары тебя ослабляли, и русские с грязью смешивали...»	97
Туркменский поэт в турецком мундире	101
Эсеры, анархисты, троцкисты	105
Как булгаковский барон Майгель оказался в Сандармохе	109
Трагедия Анастасии Бакаевой	111
Поставят ли в Сандармохе памятник работникам ОГПУ-НКВД?	115
Подведем итог по первому Соловецкому этапу	118

Часть четвертая

О РЕПРЕССИЯХ В КАРЕЛИИ

Карелия — одна из самых пострадавших республик	121
Ошибка доктора Гюллинга	123
Вепсский феномен	129
Когда вспомним всех?	138
Почему люди поддерживали власть?	140
Сталинское руководство наказывает сталинских палачей за сталинские репрессии	143

Часть пятая

СМЫСЛ СОЗДАНИЯ САНДАРМОХСКОГО МИФА

Как Сандармох стал одним из главных символов репрессий? ...	148
«Воспитание народа»	151

Эпилог

Для чего была написана эта книга	156
--	-----

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Книга, рожденная в интернет-дискуссиях

Вы держите в руках книжку, которая фактически была рождена во время многочисленных споров и дискуссий в Интернете, посвященных проблеме истории Сандармоха — местечка в Медвежьегорском районе Карелии. Многие знают, что урочище Сандармох считается местом расстрела политических заключенных в 1937 году. Также вполне возможно, что в годы Великой Отечественной войны финскими оккупантами здесь было расстреляно некоторое число советских военнопленных. Из разных СМИ многие читатели смогли узнать и об уголовном деле против руководителя карельского «Мемориала» (здесь и для всех последующих упоминаний в тексте этого НКО сообщаю, что в соответствии с действующим законодательством данное общество включено в реестр «иностранных агентов») Юрия Дмитриева, который, как утверждают его адепты, открыл захоронение в Сандармохе. Почему якобы он и был осужден карельским судом по «педофильским» статьям Уголовного кодекса РФ.

Автору этих строк пришлось активно участвовать во всей длительной публичной полемике вокруг Сандармоха, и во время очередного ее витка сразу несколько человек предложили мне просто написать книгу на эту

весьма широко обсуждаемую тему. Идея мне понравилась, и с помощью пожертвований друзей и товарищей теперь она реализована, а исходным материалом для этой книги послужили все те многочисленные выступления, статьи, публикации, да и просто посты на моих страницах в соцсетях.

Часто принято говорить о каких-то личных мотивах для обращения к теме репрессий 1930-х годов. Что же, извольте, у меня они тоже имеются. Например, в раннем детстве меня нянчил самый настоящий узник ГУЛАГа — Иван Иванович Чадоев, мой дед, второй муж бабушки. (Родной мой дед, Алексей Алекин, погиб на финской войне в 1940 году).

Иван Иванович был человеком с очень сложной судьбой. Уроженец Олонецкого уезда, в 20-е годы он уходил в Финляндию, потом по каким-то личным мотивам вернулся на родину. Просто перешел через границу, и все, тогда это было легко сделать. В атмосфере тех лет все эти его метания вызвали подозрения соответствующих органов. В итоге Иван Иванович в середине 30-х годов был осужден и отправился на строительство знаменитого горно-металлургического комбината в Норильске. Впрочем, как мне потом рассказывали родные, зла на Советскую власть он не держал, так и остался обычным, немногословным и трудолюбивым, карельским мужиком.

Просто отмечу, что с детства тема репрессий в нашей семье не была каким-то табу. Об этом спокойно говорили, обсуждали их причины, причем не боясь никого.

Что характерно, после контрреволюции 1991 года пришедшие к власти либералы не оставили комбинат в Норильске, построенный в основном заключенными,

в государственной собственности. Хотя бы с той целью, чтобы доходы от него шли в федеральный бюджет и, пусть частично, доставались пожилым репрессированным гражданам и их детям. Однако, как всем известно, новая власть практически за бесценок отдала «Норникель» в частные руки. Ведь «лучшим людям» России нужны деньги, чтобы возить на самолетах в Куршавель девушек с пониженной социальной ответственностью, не так ли? А тема репрессий им нужна исключительно как средство манипуляции сознанием. Впрочем, вся эта борьба с наследием «тоталитаризма» началась уже позже, в 90-е годы.

Нельзя не отметить тот очевидный факт, что политическая и идеологическая борьба, начавшаяся более 100 лет назад, продолжается и в наше время. В России и в соседних государствах действуют те же политические силы или наследники политических сил, чьи представители активно участвовали в исторических событиях первой половины XX века и часть из которых в 30-е годы оказалась на Соловках, а затем закончила свой жизненный путь в Сандармохе. В этой связи утверждать, что изучение Сандармоха может быть вне современной политики и соответствующих ей интересов, по меньшей мере наивно.

В свое время известный историк и публицист Вадим Кожинов, констатируя всеобщую политизированность в написании исторических работ по нашему недавнему прошлому, призвал не играть в якобы отстраненную «объективность», не лицемерить, а с самого начала сделать открытое признание о политических пристрастиях автора. С его точки зрения, так было бы честнее.

Думаю, что он прав. Поэтому признаю, что написанное мною здесь прямо связано с тем фактом, что с 1995 года я активно занимаюсь общественно-политической деятельностью в рядах коммунистического движения России. Кстати, сделал для себя одно интересное наблюдение — никто так вдумчиво не размышляет и активно не дискутирует по поводу причин «1937 года», как современные левые активисты. Что абсолютно понятно. Для наших политических оппонентов страшилка о «новом 1937 годе» — самый главный аргумент против нас, против идей социальной справедливости и обобществления средств производства, без чего эта самая социальная справедливость в принципе недостижима. Дескать, реализация наших идей вновь обязательно приведет к массовому террору. Это глупость, конечно. Но пока данный нехитрый аргумент на умы множества людей, причем во всем мире, вполне эффективно действует.

Хотя современные левые никак не похожи на интеллигентов из партии «Яблоко», которые прямо внесли в свою предвыборную программу пункт о включении в Уголовный кодекс статьи за «оправдание или отрицание сталинских и большевистских репрессий». То есть наши оппоненты, в отличие от нас, открыто заявляют, что в случае прихода к власти будут заниматься уголовным преследованием всех тех людей, кто не согласен с позицией партии «Яблоко» по сугубо конкретному историческому вопросу. Как мы это ныне наблюдаем на территории соседней Украины. Так что подобные намерения отнюдь не выглядят безумным прожектерством постаревших пикейных жилетов из 90-х годов.

Но для всех левых и коммунистов другого опыта социалистического строительства, кроме семидесятилетнего пути Советского Союза, просто нет. И развивать левую идею можно лишь отталкиваясь от его наследия, от колоссального социального прогресса, значение которого становится понятным только сейчас. Что же касается трудных и трагических эпизодов в его великой истории, то уверен, что, поняв конкретные исторические причины произошедшего, мы убьем идеологический миф про обязательность массовых репрессий при любой реализации идеи социальной справедливости.

Но это дело будущего. А сейчас, возвращаясь к теме Сандармоха, сразу должен заявить, чтобы быть правильно понятым: я не отрицаю того, что репрессии были и, к сожалению, в то время пострадало и много невинных людей. Также я не собираюсь опровергать тот факт, что в 1937 году урочище Сандармох было местом казней. Но во всей этой истории есть существенные детали, которые серьезно меняют всю ту картину произошедшего, которая была создана в последние годы обществом «Мемориал».

Мне совершенно ясно, что я получу в свой адрес множество упреков за «оправдание массовых репрессий». Ну что же, если кто-то считает, что замена примитивного идеологического мифа о плохом злодее Сталине, убивавшем хороших людей, на рациональные объяснения, почему произошли события 1937 года, является обязательно «оправданием репрессий» — пусть будет так. Главное — читайте и, если что-то не нравится, попытайтесь опровергнуть приведенные в этой книге факты и выводы.

В заключение сделаю оговорку, что автор хоть и имеет профессиональное историческое образование и даже когда-то мечтал о научной карьере, но решил не перегружать свой текст библиографическими ссылками на использованные источники информации.

Во-первых, это все-таки не научная монография, а историко-публицистическая работа, причем с многочисленными отступлениями от главной, сандармохской темы. Во-вторых, все эти источники размещены в сети Интернет и, пользуясь поисковыми системами, легко найти и проверить ту или иную информацию. Тем более что основные мои источники, которыми я пользовался и которые анализировал, — это как раз составленный «Мемориалом» список расстрелянных в Сандармохе, это книги и публикации Ирины Флиге, Ивана Чухина и прочих обличителей так называемых «сталинских репрессий».

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Сандармох и его первооткрыватели

О лесном урочище и Юрии Дмитриеве

«У нас на месте массовой казни — 9 тысяч человек там убили — в Петрозаводске, под Петрозаводском стоит один деревянный крест, хотя должен был бы стоять колоссальный мемориал». (Дмитрий Быков. Из выступления на радиостанции «Эхо Москвы», касавшегося дела Дмитриева и Сандармоха.)

Я не зря привел здесь эту «замечательную» цитату известного поклонника генерала Власова. Она наглядно показывает, что людям, последние несколько лет участвовавшим в публичной кампании в защиту обвиненного в педофилии мемориальца Юрия Дмитриева, в глубине души глубоко наплевать на Сандармох. Ведь они даже не знают, где это место находится и как оно выглядит. И уж тем более — сколько там казнили человек и кто были все эти люди.

Так что же такое Сандармох? Это просто лесное урочище в 180 километрах от Петрозаводска и 19 километрах от города Медвежьегорска, по дороге на поселок Повенец. Именно там в 1997 году ныне всем известный историк Юрий Дмитриев открыл место массовых казней времен так называемого Большого террора. Вер-

нее — так пишут во многих публикациях либеральных СМИ.

И вот здесь необходимо сразу сделать одно уточнение. Во-первых, Юрия Дмитриева сложно назвать историком, тем более профессиональным. Для этого достаточно немного изучить его биографию по имеющимся доступным источникам. Родившийся в столице Карелии в 1956 году Юрий Алексеевич Дмитриев воспитывался в детском доме, что безусловно должно было сказаться на формировании его личности, и лишь затем был усыновлен семьей офицера-фронтовика. После школы он поступил в медицинское училище в Ленинграде, но так и не смог его закончить. Работал слесарем в банно-прачечном комбинате, начальником котельных в ЖЭКе, рабочим на слюдяной фабрике. В июне 1978 года Дмитриев был приговорен народным судом Прионежского района по ч. 1 ст. 108 УК РСФСР к 3-м годам лишения свободы за умышленное нанесение тяжких телесных повреждений. После этого Юрий Дмитриев лишь заочно окончил Петрозаводский коммунально-строительный техникум.

То есть никакого исторического, да и просто высшего образования наш «историк» не получил. Зато он прошел тюремные «университеты». Позитивно относящиеся к нему авторы сообщают, что уже из колонии Дмитриев вернулся убежденным антисоветчиком.

Поэтому в 1988 году, в разгар перестройки, работник ЖКХ Юрий Дмитриев стал членом неформальной политической организации «Народный фронт Карелии», в 1989–1991 годах был помощником народного депутата Михаила Зенько. В конце 1980-х Дмитриев при-

соединился к работе по составлению списков жертв политических репрессий 1930–40-х годов в Карелии, проводившейся его другом, первым председателем петрозаводского отделения общества «Мемориал» Иваном Чухиным. Первый глава карельского «Мемориала» действительно крайне примечательный человек, без короткого рассказа о котором наше повествование об истории Сандармоха будет неполным.

Потомки палачей в роли обвинителей

Иван Чухин родился в 1948 году, как писалось во всех его предвыборных материалах, в семье морского пограничника. Окончил Петрозаводский строительный техникум в 1967 году, работал в строительных организациях. В 1974 году по направлению трудового коллектива (была в Советском Союзе такая хорошая традиция) был принят на работу в уголовный розыск МВД Карельской АССР. До 1992 года работал в органах МВД, полковник милиции. Само собой, при такой биографии Иван Чухин состоял в КПСС, более того, в 1990 году был избран делегатом XXVIII съезда КПСС. Образцовый сотрудник так называемых «карательных» органов!

И вот в горбачевское время такой человек начинает заниматься темой репрессий 1937 года. Издает несколько книг. Как наверняка помнят многие читатели, в то время подобного рода деятельность автоматически и за короткое время могла принести весомые политические дивиденды. С бывшим членом КПСС так и случилось. В 1990 году Иван Чухин достаточно легко был избран

депутатом Верховного Совета РСФСР. Через три года, будучи депутатом Верховного Совета, бывший полковник милиции поддерживает государственный переворот и расстрел Борисом Ельциным законного парламента нашей страны. Как все помнят, эти события привели к массовым убийствам в самом центре Москвы. Но поскольку перестроечный угар в Карелии еще не прошел, Ивана Чухина сразу же избирают депутатом Государственной думы РФ первого созыва (1993–1995) от нашей республики.

В эти годы депутат Чухин входит в состав фракции гайдаровского «Выбора России», является членом думского комитета по вопросам законности и правопорядка, дисциплинированно голосует за все законопроект, продвигавшие людоедские неолиберальные реформы.

И лишь тогда, когда Иван Чухин заседал в госдумовском депутатском кресле, будучи членом тогдашней «партии власти», выяснились некоторые любопытные подробности биографии его отца. Состояли они в том, что Чухин И. М., техник-интендант 2-го ранга, помощник (по разведке) начальника штаба Палалахтинской комендатуры 3-го петрозаводского погранотряда НКВД, в июле–сентябре 1937 года был в составе «бригады следователей» этого отряда. Его подпись стоит под обвинительными заключениями в шести сфальсифицированных групповых делах на 34 человека, 28 из которых были расстреляны...

Да, депутат Чухин сделал замечательную политическую карьеру на разоблачении того, чем занимался его отец!

Впрочем, у одного ли Чухина такая удивительная родословная? Среди основателей Международного общества «Мемориал», числящегося ныне иностранным агентом, значится известный советский писатель и диссидент Лев Эммануилович Разгон. До лета 1937 года он был сотрудником НКВД и зятем всеильного комиссара госбезопасности 3-го ранга, начальника 9 отдела ГУГБ НКВД Глеба Бокия. У нынешнего председателя правления Международного общества «Мемориал» Яна Рачинского предок служил в НКВД, о чем он признался в своем интервью. А из нынешних политических партий России на тему Сандармоха больше всего пиарится уже упоминаемая мною партия «Яблоко». Отец его основателя и идейного «вождя» Григория Явлинского — Алексей Явлинский, офицер МВД еще при Сталине и даже при Берии, работник исправительной колонии. Среди федеральных средств массовой информации вопросу разоблачения «сталинских репрессий» очень много времени посвящает, конечно же, редакция радиостанции «Эхо Москвы». Дед ее главного редактора со стороны отца — Николай Андрианович Венедиктов, служил в НКВД, член военного трибунала 2-го Украинского фронта.

И так куда ни ткни! Конечно, сын за отца не отвечает, понятно и то, что в предвоенный и военный период через службу в органах госбезопасности прошло очень большое количество людей. Потомки у них по своим идейным предпочтениям самые разные. Но вот чем объяснить такую их концентрацию вокруг общества «Мемориал»? Это какие-то семейные, психологические проблемы? Но ведь именно люди подобного сорта,

защищая признанного судом виновным по «педофильским» статьям Юрия Дмитриева, часто любят загадочно намекать на роль в его уголовном деле неких «наследников и потомков палачей». Согласитесь, странно это все слышать.

Между прочим, факт участия в репрессиях своего отца депутату Чухину пришлось признать. И даже покаяться на словах: «Не отрицаю и нисколько не умаляю вины своего отца, но и не отрекаюсь от него. Наверное, не я один сегодня делаю такие открытия, и каждый по-своему справляется с рухнувшим на него невероятно тяжелым моральным грузом. Для меня работа в комиссии по реабилитации Верховного Совета РСФСР, в Комитете по безопасности Государственной Думы... стали моим личным моральным долгом перед памятью безвинно пострадавших».

Удивительное покаяние. Циничное и лицемерное. Оказывается, успешная политическая карьера в кресле депутата Госдумы являлась выполнением морального долга. Святые 90-е... Закрывание предприятий, многочисленные невыплаты зарплат и пенсий, стремительный рост деревенских кладбищ Карелии, чеченская война и разгул криминала. Все это ведь было и результатом работы либерального депутата Чухина, выполнения им некоего «морального долга». Почему-то ни он, ни подобные ему за все это ни разу не покаялись.

Впрочем, мы отвлеклись от основной темы. Давайте теперь разберемся в вопросе о том, кто же и при каких обстоятельствах открыл захоронение в Сандармохе.

«Положил на стол пистолет и спросил, на каком основании мы начали раскопки»

Почему-то в вопросе о том, кто был первооткрывателем Сандармоха, либеральные источники начинают путаться в деталях и обстоятельствах дела. Одни заявляют, что это исключительно «гражданский подвиг» Юрия Дмитриева, другие вспоминают о роли Ивана Чухина, третьи утверждают, что Сандармох был найден благодаря архивным расследованиям, которые велись одновременно с двух сторон сотрудниками петербургского и карельского отделений общества «Мемориал».

Например, читаем в публикации «10 вопросов о Сандармохе» директора музея «Международного Мемориала» Ирины Галковой:

«С середины 1980-х годов Вениамин Иофе и Ирина Резникова (Флиге) из Петербурга пытались найти следы заключенных Соловецкой тюрьмы, расстрелянных в конце 1937 года. Из воспоминаний бывших заключенных было известно, что в октябре и декабре 1937-го две партии заключенных были отправлены из кремлевского отделения на этап, после чего никаких сведений о них не появлялось. Третий этап в феврале 1938 года был уведен вглубь острова. Общее число людей, канувших в никуда, приближалось к двум тысячам. Ужас неизвестности компенсировался мифами: с 1930-х бытовала легенда о том, что один из этапов был утоплен вместе с кораблем».

Кстати, удивительный факт — в данной публикации хотя бы честно признается, что все многочисленные рассказы о затоплении в Белом море барж и прочих транспортных средств с заключенными, появившиеся

в конце 80-х годов, — не более чем дикие мифы, вызванные воспаленным перестроечным мышлением. Однако сколько таких либеральных побасенок еще бродит по страницам Интернета!

Читаем дальше: «В середине 1990-х годов сотрудники «Мемориала» и Соловецкого музея нашли в ведомственных архивах протоколы Особой тройки НКВД по Ленинградской области со списками всех трех партий заключенных и рапортами об их расстрелах. Но где они были убиты и похоронены, было по-прежнему неизвестно. Места захоронения второго и третьего этапов не найдены до сих пор; поиск первого, самого большого из трех (1111 человек), увенчался успехом. След обнаружился в деле капитана Матвеева, руководившего расстрелом. Михаил Матвеев сам был арестован в 1939 году и на допросах подробно описывал обстоятельства операции, включая перевозку людей из Кеми в Медвежью Гору, а оттуда — к месту их гибели. Так в расследовании петербургских историков появилась пресловутая Медгора.

К тому моменту петрозаводские исследователи Иван Чухин и Юрий Дмитриев уже хорошо знали это название. Работая над Книгой памяти о Большом терроре в Карелии, они поняли, что в районе Медвежьегорска существовал огромный расстрельный полигон, по числу жертв самый большой в Карелии. В архиве ФСБ Карелии Иван Чухин нашел следственное дело 1939 года по обвинению нескольких сотрудников НКВД в жестокости и превышении служебных полномочий. Ключевыми фигурами этого дела были Александр Шондыш и Иван Бондаренко — главные исполнители приговоров в Мед-

горе. По этому же делу проходил их ленинградский коллега Михаил Матвеев. Так пути поиска пересеклись.

Именно показания Матвеева стали отправной точкой поисков, которые сотрудники «Мемориала» начали летом 1997 года в лесу на 19-м километре дороги Медвежьегорск — Повенец. Поиск вели Юрий Дмитриев, Ирина Флиге и Вениамин Иофе. Иван Чухин трагически погиб за три месяца до экспедиции. В первый же день Дмитриев обнаружил следы прямоугольных ям с характерным проседанием почвы. Два захоронения были вскрыты в присутствии представителей прокуратуры, черепа со следами пулевых отверстий отправлены на экспертизу. Всего было зафиксировано и отмечено около 150 могильных ям, в которых, по предварительным оценкам, могло находиться около 4–4,5 тысячи человек.

Итак, здесь утверждается, что Сандармох открыл все-таки Дмитриев. Но так ли это было на самом деле? Три года назад карельский журналист Георгий Чен-темиров в интернет-издании «Петрозаводск говорит» опубликовал статью с занятным подзаголовком «Почему забыли имена тех, кто вместе с Юрием Дмитриевым нашел Сандармох?»

Да, для читателей федеральных СМИ, возможно, будет откровением, но для многих жителей Карелии, интересующихся этим делом, не является секретом тот факт, что первооткрывателями захоронения являются не Юрий Дмитриев и не столичные деятели из «Мемориала». Поиски захоронения в Медвежьегорском районе начались задолго до них, этим занимались журналисты из Медвежьегорска Николай и Надежда Ермоловичи, ныне уже покойные, и художник Владимир Попов. В тот

же период в районе Сандармоха начал раскопки замглавы районной администрации Каштанов, и в публикации Георгия Чентемирова он поделился своими воспоминаниями, которые имеет смысл процитировать:

— Неподалеку от Сандармоха располагался карьер, где добывали песок. И там в 96-м были найдены два черепа. Я уже был замглавы администрации района, и было принято решение — организовать раскопки. Мне это было проще сделать, я воспользовался служебным положением. Это, наверное, один из немногих случаев в истории России, когда такие вещи делались по инициативе местных органов власти. В июне 1997 года я попросил в воинской части пятерых солдат. Начали раскопки, сперва — в районе карьера. Кстати, все это было для меня чревато последствиями, потому что, если делать все по закону, надо было согласовывать работы — это леса первой категории, и официально мы бы никогда разрешения не получили.

— На второй день приехал Дмитриев. Я тогда его не знал. Он пришел ко мне в кабинет, положил на стол газовый пистолет и спросил, на каком основании мы начали раскопки без его ведома. Ну, девяностые были временем тревожным... Я тоже выложил на стол оружие и сказал: теперь будем разговаривать. И мы договорились, что он окажет нам помощь, потому что у него был опыт подобных раскопок».

Замечательный, надо сказать, эпизод из «святых 90-х»! Кто-то с пистолетами делил контроль над рынками, заводами или «комками», а тут люди примерно так же договариваются, кто будет главный на раскопках захоронения 1937 года... Именно тогда было сдела-

но известное фото Юрия Дмитриева в Сандармохе, где он позирует с кучей черепов. От которого многие поисковики в легком шоке, ибо такие методы абсолютно непрофессиональны и вряд ли приемлемы с этической точки зрения.

Однако в последующие годы обстоятельства открытия Сандармоха с помощью столичных журналистов стали обрастать новыми, порой самыми фантастическими подробностями. Автор Олег Климов в статье «Я сам захотел быть дьяволом. Зачем Александр Родченко снимал строительство Беломорканала», опубликованной в интернет-издании «Медуза» (включено в реестр «иностраннных агентов»), повествует:

«Когда чиновники решили выяснить, сколько тысяч людей расстреляли и похоронили в районе Сандормох (Беломорканал), они вызвали строительную компанию и экскаватором начали раскапывать могильные ямы. Тогда-то Юрий Дмитриев и использовал свой пистолет. Он подошел к трактористу, приставил к его затылку пистолет и сказал: «Если не остановишься — будешь следующим!» «Раскопки» удалось остановить. Приехали чиновники и милиционеры. Чиновники приказали продолжать копать экскаватором, но рабочие отказались, ссылаясь на историка и его пистолет».

Комментировать подобные рассказы, рассчитанные на детей младшего школьного возраста, право же, нет никакого смысла. Просто отметим для себя один показательный факт — когда общество «Мемориал» заявляет о переписывании истории, то можно напомнить, что история недавнего открытия Сандармоха тоже оказалась переписанной самими же деятелями из этого об-

щества. Причем в конъюнктурных целях и буквально на глазах изумленных читателей! «Героем» сделали одного человека — местного руководителя своей же организации и бывшего уголовника Юрия Дмитриева. А про всех остальных забыли. Такая вот маленькая, но многозначительная деталь.

Кстати, сами мемориальцы пишут об «усилиях мужественных историков, прорывавшихся, несмотря на все препоны, в архивы НКВД, годами работавших с документами, от одного прикосновения к которым становится страшно». На самом же деле в либеральные 90-е годы карельское управление ФСБ просто открыло для них архивы.

Также необходимо вспомнить, что впоследствии тома Книги памяти и иные издания выпускались не на частные пожертвования или средства общества «Мемориал», или лично Юрия Дмитриева, а государственным издательством и на средства бюджета Республики Карелия. И памятник в Сандармохе был установлен за бюджетные средства, а совсем недавно правительство Карелии выделило 2,6 миллиона рублей на его ремонт. Да, очень много делалось в Сандармохе и делается на бюджетные деньги, то есть за наш с вами счет. А никак не на деньги «Мемориала».

Странный винегрет из политики и уголовщины

Многие СМИ активно вбивают в голову своим читателям, что якобы история открытия Сандармоха является главной причиной уголовного преследования Юрия Дмитриева. Мол, этот человек так страшен нынешней

власти, вернее, неким «сталинистам» в ее рядах (которых там на самом деле днем с огнем не сыщешь), что они подло сфабриковали против него уголовное дело по очень нехорошей статье. Увы, как бы мы плохо ни относились к нынешней власти, как мы видим, данный тезис совершенно не соответствует действительности. Хотя бы потому, что Юрий Дмитриев был далеко не первым, кто занялся исследованием этой истории, и уж тем более не он первый начал проводить там раскопки. При этом власть ему не мешала, а даже всячески содействовала!

К слову, до ареста Юрия Дмитриева как общественника даже в Карелии знали совсем немного людей. Он не числился политическим оппозиционером, никто никогда не видел его на митингах в Петрозаводске, выступающим, например, против президента или местного губернатора. В выборах не участвовал. Пикеты не организовывал. Зато заседал в комиссии по восстановлению прав реабилитированных жертв политических репрессий при правительстве РК, а буквально за несколько месяцев до ареста в 2016 году ему вручили Почетную грамоту Республики Карелия, главную на тот момент местную правительственную награду. Поверьте, никаким оппозиционерам таких грамот в нашей республике не вручают.

Что касается уголовного дела, то началось все после того, как выяснилось, что он много раз фотографировал полностью обнаженной свою приемную дочь школьного возраста. Выяснилось это не без помощи когда-то близких Дмитриеву лиц, видимо, в результате каких-то личных, семейных «разборок». Заметим, что изначально уголовное дело не несло никакого политического подтекста. В конце концов, никакая политическая сила

не застрахована от того, что в ее рядах окажется человек, склонный к извращениям в сексуальной сфере. Ни либералы, ни коммунисты, ни националисты, ни путинисты. Другое дело, как они себя поведут по отношению к своему стороннику после раскрытия таких фактов. Что же мы наблюдаем?

С 2016 по 2020 год аргументы защитников Юрия Дмитриева проходили трансформацию. Вкратце все выглядит примерно так:

- Юрий Дмитриев арестован по подозрению в педофилии. В его компьютере нашли кучу непристойных фото приемной дочери.
Дело сфальсифицировано, фотографии подкинуты!
- Дмитриев и его адвокат признают эти фото.
Это же был просто «Дневник здоровья!» Вы же понимаете, девочка была после детдома, она слабый ребенок, он так контролировал ее развитие.
- Приемная дочь, которая, между прочим, занималась в секции самбо, заявила о непристойных действиях. Ее заставили оговорить Дмитриева!
- И Дмитриев, и адвокат признали подобные действия в отношении приемной дочери.
Ну чего же тут такого, он просто проверял ее, ведь она страдала энурезом!
- В компьютере у подсудимого нашли скачанные порнофильмы с участием несовершеннолетних.
Мало ли что у него нашли!

Градус безумия во всей этой истории все больше зашкаливает. Защитники Юрия Дмитриева постоянно

повторяют, что «дело Дмитриева» является сфальсифицированным. В связи с чем хочется задать простой вопрос — а как можно объявить дело сфальсифицированным если, выражаясь юридическим языком, в части совершения объективных действий адвокат и сам Дмитриев не опровергают совершенного? Что фальсифицировалось-то? Ведь в основе всего дела лежат установленные факты крайне омерзительного с моральной точки зрения поведения главы карельского «Мемориала».

Вообще, «дело Дмитриева» — просто зеркало российской либеральной интеллигенции, которая не выдержала проверку на «слезе ребенка». В котором отразились ее безнравственность и цинизм. Ее стадное, животное чувство, когда они, несмотря на факты, готовы защищать любого мерзавца, потому что он свой, из своей «популяции», свой по духу и нюху. Ее безразличие и равнодушие к другим людям. Ведь на обычную девочку из карельской глубинки им глубоко наплевать.

Однако мы тоже не должны лукавить: факт установленного в суде преступления гражданина Дмитриева автоматически не означает, что в Сандармохе в 1937 году ничего не было. Увы, было. И невинные люди тогда тоже пострадали. Просто было совсем не так, как это описывалось в примитивной либеральной агитке, созданной Дмитриевым. Но об этом — дальше.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Почему у «Мемориала»
не сходятся цифры?

От шести до десяти тысяч

Во всей истории с Сандармохом действительно очень много неясностей, очень много вопросов. Самый первый и вроде бы элементарный вопрос: сколько человек было здесь казнено в 1937 году? Казалось бы, ответить на него легко и просто. Как неоднократно сообщало руководство общества «Мемориал», Сандармох уникален тем, что о нем известно буквально все. Именно так заявляла в одном из своих выступлений Ирина Флиге:

«О Сандармохе мы знаем все. Есть документы, в которых описано, на какое расстояние от Медвежьегорского СИЗО людей возили на расстрел. Есть данные, когда и как технически происходили расстрелы. Поэтому сегодня у нас есть такие цифры — с точностью до человека».

И тут сразу возникает простой вопрос — если известно «все», то почему все последние годы мы наблюдаем такую дикую пляску с цифрами? С момента обнаружения захоронения они постоянно росли, с 4 тысяч дойдя сначала до более чем 7 тысяч расстрелянных, потом и до 9,5 тысячи. А некоторые федеральные политики в годы, когда «дело Дмитриева» только начиналось, заявляли и о более чем 10 тысячах расстрелянных в Сандармохе.

Впрочем, и эту цифру при желании можно преодолеть. В 2019 году в петрозаводском арт-пространстве Agriculture_club состоялась презентация книги Юрия Дмитриева «Место памяти Сандармох», на которой Владимир Попов заявил буквально следующее:

«Сандармохом одним дело не ограничивается. В Медвежьегорске этих «расстрельных мест» очень и очень много. Но архивы не открывают, а черепов там можно накопать миллионы: немецкие военнопленные, румынские, венгерские, польские — их тоже расстреливали и мучили. Так что здесь кости со всего мира».

Впрочем, фантазии про миллионы невинно замученных рядом с Медвежьегорском пленных фашистских солдат — это даже для «Мемориала» уже слишком. Хотя, судя по публикации, бурный поток сознания гражданина Попова на презентации так никто и не пресек. Я привел этот случай просто в качестве примера — до какого чудовищного бреда порой может довести неумная фантазия отдельных исследователей «сталинских репрессий».

Официально с 90-х годов, то есть в течение 20 лет, и сам Юрий Дмитриев и общество «Мемориал» утверждали, что здесь расстреляно 7,5 или 9,5 тысячи человек. Чаще всего называлась все-таки цифра в 9,5 тысячи расстрелянных. До недавнего времени она фигурировала даже в Википедии. А если суммировать опубликованные в эти же годы самим «Мемориалом» данные жертв по национальностям (2154 русских, 762 финна, 676 карелов, 493 украинца, 212 поляков, 184 немца, 89 белорусов, 61 еврей, 33 татарина, 24 латыша, 22 грузина, 17 чеченцев, 15 тюрков, 13 армян, 11 эстонцев),

почему-то выходит всего около 4,5 тысячи. Уже начинается путаница...

Однако в последние несколько лет руководство «Мемориала» неожиданно изменило свою первоначальную позицию и начало заявлять уже о 6 тысячах расстрелянных, приводя на своем сайте полный список этих людей с именами, фамилиями, биографическими и прочими данными. В этой связи хочется спросить деятелей из «Мемориала» — а куда у вас делись еще несколько тысяч вроде бы расстрелянных в Сандармохе человек, о которых вы раньше много лет говорили? Неужели вы их просто придумали? Но тогда хорошо бы признаться в этой «ошибке» и принести общественности свои извинения.

Ведь что произошло буквально на наших глазах? Все деятели общества «Мемориал» и защитники Юрия Дмитриева уверяют нас, что тема Сандармоха полностью ими изучена, истина установлена и никаких новых исследований и тем более раскопок проводить там не нужно. Извините, но при этом даже у вас разброс цифр — почти в два раза! А если окажется, что количество расстрелянных в Сандармохе завышали вполне сознательно, то возникает вопрос — зачем это делалось, с какой целью?

До сих пор в разнообразных публикациях в либеральных СМИ и социальных сетях регулярно звучат старые, невольно опровергнутые самим «Мемориалом» цифры в 7 или 9 с половиной тысяч человек. Увы, приходится констатировать, что дезинформирование миллионов российских читателей продолжается.

19 километров между Медгорой и Сандармохом

Еще раз обратимся к истории обнаружения Сандармоха. Как мы уже выяснили, его нашли именно потому, что остались документы о так называемом первом соловецком этапе, численность которого была 1111 человек. Произошло это из-за уголовного дела против работников НКВД, обвинявшихся в превышении служебных полномочий, а главными фигурантами дела стали руководители расстрельной команды ББК Александр Шондыш и Иван Бондаренко, а также работник НКВД из Ленинграда капитан Михаил Матвеев.

Как сообщает в своей книге Ирина Флиге, в июле 1996 по ходатайству депутата Государственной думы В. В. Борщёва карельское УФСБ получило из Москвы разрешение ознакомить деятелей из «Мемориала» с материалами архивно-следственного дела № 11602 в части, касающейся проведения капитаном Матвеевым казней соловецких заключенных. Выяснилось, что все осужденные по этому делу обвинялись в «превышении власти» при проведении расстрелов под Медвежьегорском, «в обычном месте исполнения приговоров над заключенными Белбалтлага». А это место находилось в 16 км от Медвежьей Горы, за поселком Пиндуши.

Именно и только из-за признаний капитана Матвеева, зафиксированных в протоколе, с большой долей вероятности можно говорить, что они были расстреляны именно в местечке Сандармох. Во всяком случае, трудно придумать какие-либо рациональные причины, чтобы объявить его показания сфальсифицированными.

Да, 1111 репрессированных были. Но вот откуда взялось дополнительно еще несколько тысяч человек? Опять процитируем книгу Ирины Флиге «Сандормох: драматургия смыслов»:

«Основанием этого процесса мемориализации стала книга Дмитриева 1999 года и впоследствии, вышедшая в 2002, подготовленная им карельская Книга памяти «Поминальные списки Карелии», где данные о Сандормохе были окончательно сверены с архивными документами, исправлены и дополнены. Согласно архивным материалам, проанализированным Дмитриевым, в 1937–1938 в урочище было расстреляно и захоронено (без учета Соловецкого этапа) 4 955 человек (из них 1 988 заключенных-«каналоармейцев»; 624 трудпоселенца, депортированных в Карелию несколькими годами ранее из других регионов СССР, и 2 338 «вольных» жителей республики), которых он сумел назвать поименно.»

Но в чем заключался проведенный Юрием Дмитриевым анализ архивных материалов?

«Обращаясь к расстрельным актам, сопутствующим протоколам карельской «тройки» и московской «двойки», а также к архивно-следственным делам арестованных, Дмитриев пришел к выводу: указание «Медгора» практически во всех случаях относится к урочищу Сандормох».

Это все! На основании каких фактов, документов и аргументов Юрий Дмитриев пришел к выводу, что «указание «Медгора» практически во всех случаях относится к урочищу Сандармох» и что все эти люди захоронены в Сандармохе? Обоснованного ответа на этот вопрос в книге Ирины Флиге нет. Такого ответа вообще нигде нет!

Для начала вспомним географию. От станции Медгора и тогдашнего поселка, а ныне города Медвежьегорска до урочища Сандармох расстояние по дороге составляет 19 километров. То есть с таким же успехом можно предположить, что захоронения этих людей могут находиться в любом другом месте в радиусе 15–20 километров от города на большой и малонаселенной территории Медвежьегорского района.

Впрочем, при внимательном чтении всех источников оказывается, что в ряде дел нет даже указания на Медгору! Просто открываем книгу уже упоминаемого Ивана Чухина «Карелия-37: Идеология и практика террора», в приложениях к которой есть «Хроника расстрелов» в виде таблицы. В этой таблице указаны примерные места расстрелов и количество казненных, в том числе в районе Медгоры. Путем нехитрого подсчета данных из книги Ивана Чухина получается, что за все годы так называемого Большого террора на этой обширной территории было расстреляно около 3,2 тысячи человек.

А ведь Иван Чухин и Юрий Дмитриев изучали одни и те же документы в одно и то же время! Почему у одного без учета соловецкого этапа выходит 3,2 тысячи, а у другого — почти 5 тысяч человек в одном Сандармохе? Нестыковка в опубликованных данных самого же «Мемориала» чуть ли не в две тысячи человек! Откуда они взялись? И если это не доказательство фальсификации данных, совершенной Юрием Дмитриевым, то что это?

Как бандиты стали политическими

В этих подсчетах «Мемориала» появляется особая категория репрессированных. Утверждается, что по меньшей мере треть казненных в Сандармохе были заключенными этого Белбалтлага, осужденными вторично и приговоренными к расстрелу, чаще всего за попытки побегов. В данных самого «Мемориала» они легко вычисляются. Характерный пример, найденный мною именно в официальных списках, составленных Юрием Дмитриевым:

«Джаяни Николай Платонович, грузин, из дворян. В лагере отбывает срок по ст. за бандитизм. 14.05.1937 г. (совместно с з/к Китуани Г. Г.) совершили групповой побег из лагеря, но были задержаны и 30.06.1937 г. они же, по обоюдному сговору, совершили вторичный побег, но также были задержаны. Лагадминистрацией охарактеризованы как лодыри-дезорганизаторы.

Тройкой НКВД Карельской АССР от 17.08.1937 г. осужден по ст. 82 (побег). Расстрелян 22.08.1937 г. на ст. Медвежья Гора (Сандармох). Сведений о реабилитации нет».

Последняя фраза, про отсутствие сведений о реабилитации, ярко характеризует ситуацию с Николаем Платоновичем Джаяни, которого «Мемориал» заставляет нас считать незаконно репрессированным по политическим мотивам.

Во-первых, побег из мест заключения сам по себе не является политическим деянием. Трудно считать этого человека и жертвой беззакония, ведь гражданину Джаяни Н. П. должно было быть прекрасно известно, что в Уголовном кодексе РСФСР есть статья за побег. Его об

этом должны были предупредить. Кстати, такие статьи за побег есть в любом уголовном кодексе любой самой демократической страны. При этом охрана обязана стрелять, так что побег сам по себе крайне опасное предприятие, на которое идут совершенно сознательно. А во-вторых, в лагерь бывший грузинский дворянин попал не за «контрреволюционную агитацию» или тому подобную статью, которую легко можно счесть политической, а за обыкновенный бандитизм!

Действовавший на тот момент Уголовный кодекс 1926 года, конкретно его 59-я статья, устанавливает: «Организация и участие в бандах (вооруженных шайках) и организуемых бандами разбойных нападениях и ограблениях, налетах на советские и частные учреждения и отдельных граждан, остановки поездов и разрушения железнодорожных путей, безразлично, сопровождались ли эти нападения убийствами и ограблениями или не сопровождались, — расстрел и конфискацию всего имущества с допущением, по смягчающим обстоятельствам, понижения до лишения свободы со строгой изоляцией на срок не ниже трех лет с конфискацией имущества».

Конечно, при желании сердобольные россияне, а вместе с ними жители ныне свободной Грузии могут посочувствовать печальной и трагической судьбе гражданина Джаяни Н. П. Ведь в совсем недавнее время, в «святые 90-е», подобные граждане за свои подвиги, бывало, отделялись просто смехотворными или вообще условными сроками. Но тогда время было немного другое. Да, жестокое было время.

Впрочем, с точки зрения установления объективной истины нас должен волновать только один вопрос.

На каком основании уголовник и бандит Джаяни Н. П. вообще оказался в списке «Мемориала»? Почему этого человека нужно считать невинной жертвой советских чекистов?

И ведь не он один такой! Например, в этом же списке заключенных много людей с тюркскими фамилиями. Причем в 1937 году все они были осуждены не по политическим статьям, а исключительно за побег. Юрий Дмитриев при работе над опубликованным списком почему-то опустил, а может быть, где-то и сознательно подчистил информацию о том, за какие действия они получили свой тюремный срок, к тому же задолго до трагического 1937 года. Однако есть все основания предположить, что большинство этих людей были осуждены за басмачество, политический бандитизм или просто уголовные преступления.

Можно ли считать «идейных» бандитов, убивавших русских красноармейцев и своих же земляков, боровшихся за новую жизнь, «невинными жертвами сталинского режима»? Да, тогда в южных национальных республиках шла жестокая борьба против старых, средневековых порядков, против религиозного мракобесия. Противники Советской власти убивали не только членов коммунистической партии, но и обычных учителей, врачей, своих же крестьян-земляков. Женщин убивали за отказ носить паранджу.

Может, члены общества «Мемориал» объяснят, как можно, особенно с учетом нынешней политической ситуации в мире и борьбы с экстремизмом и терроризмом, считать бандитов и религиозных мракобесов незаконно репрессированными? Или нам придется констатиро-

вать, что весь этот контингент был включен в список жертв Сандармоха исключительно для количества...

Что касается непосредственно побегов осужденных, то нужно признать, что побег с Белбалтлага не были чем-то уникальным еще со времен строительства Беломорканала. Один из самых громких и известных случаев — это побег группы Ивана Солоневича в 1934 году. Есть все основания полагать, что если бы этому известному теоретику русского фашизма не удалось бежать в Финляндию, то, как неисправимый враг Советской власти, он мог бы закончить свою жизнь именно в Сандармохе. А так его судьба сложилась вполне благополучно. Иван Солоневич сотрудничал с руководством Третьего рейха, оправдывал нападение нацистской Германии на Советский Союз и размышлял над темой «Куда нам девать своих евреев?»

Да, бежали тысячами, и бежали чаще всего отнюдь не политические, а уголовники и бандиты. Именно этим и объясняются очень жесткие меры, предпринятые к данной категории заключенных в 1937 году. Конечно, с позиций сегодняшнего дня мы, наверное, вправе осуждать подобную жестокость лагерного начальства. Но совершенно ясно, что без подробного рассмотрения всех деталей биографии каждого человека в этом списке совершенно нет никаких оснований объявлять их всех скопом жертвами политических репрессий. Так как это является самой банальной и жалкой манипуляцией и оскорблением памяти действительно невинных жертв.

Кроме большой группы осужденных за побег есть среди заключенных и другая категория, не такая мно-

гочисленная. Это бывшие белогвардейцы. Просто процитирую выдержки из материалов самого же «Мемориала»:

Мохов Анатолий Аркадьевич. В царской и белой армии служил в чине офицера, вместе с остатками армии Деникина интернирован в Польшу, откуда вернулся в 1922 г. Проживая в г. Ленинграде, занялся шпионской деятельностью, за что КОГПУ 20.05.1931 по ст. 58-6-13 осужден на 10 лет. Отбывая МСЗ в ББЛАГе, будучи враждебно настроен против Соввласти и ее мероприятий, систематически занимался к/р агитацией среди заключенных. Восхвалял Гитлера, высказывался о том, что: «Только он принесет народу России счастье путем уничтожения большевиков», ждет войны с Германией, высказывает пораженческие настроения.

Петренко-Пигорев Владимир Сергеевич. Служил в старой и петлюровской армии в чине офицера. Участвовал совместно с поляками против красных войск. Затем судьба занесла его в Китай, в Харбин, где он якобы выполнял задания японской тайной полиции. Вернулся в СССР, где в 1931 году был осужден за шпионаж на 10 лет. Отбывая срок наказания в ББЛАГе, систематически среди заключенных проводил к/р агитацию ... Восхвалял действия фашистского генерала Франко — выражая свою готовность помогать фашистам в будущей расправе с коммунистами. Высказывал надежды на поражение в будущей войне СССР и установление фашистской диктатуры.

Каяндер Вадим Николаевич, поручик белой армии. 03.06.1935 военным трибуналом ЛВО осужден по

ст. 58-12 на срок 6 лет. Находясь в ББЛАГе, выражая свое недовольство существующим строем, говорил: «Я был офицером Царской и Белой армий, если придется воевать с красными, то я повоюю не так, как в 1919 году, буду рубить и стрелять, не щадя никого».

Почему в 1937 году, в преддверии новой мировой войны, эти заключенные, уже успевшие повоевать с Советской властью на иностранные деньги и иностранным оружием в годы гражданской войны, были репрессированы? Думается, ответ на этот вопрос вполне понятен, исходя из материалов самого же «Мемориала».

Однако есть еще второе соображение по поводу этих двух тысяч заключенных Белбалтлага, якобы расстрелянных в Сандармохе. После завершения строительства Беломорско-Балтийского канала этот лагерь располагался на обширной территории, объекты его строительства были раскиданы на 700 с лишним километров, от Мончегорска в Мурманской области до Пудожы и Кондопоги в Карелии. В состав Белбалтлага входили 21 трудпоселок, десятки лагерных пунктов.

Возникает закономерный вопрос — неужели абсолютно всех проштрафившихся заключенных из числа уголовников и белогвардейцев, мечтавших служить Гитлеру, нужно было свозить для казни в одно место? Ведь легче производить расстрелы таких заключенных на месте, недалеко от лагерей и тюрем, где они содержались. Ответа на этот вопрос в работах и интервью Юрия Дмитриева просто нет.

Раскопки, которые были и которых не было

Усилиями либеральных СМИ в общественное сознание было забито представление, что в Сандармохе раскопана вся территория и обнаружены все захоронения. Между тем в 1997 году Юрий Дмитриев нашел лишь пять групповых захоронений, в которых находились останки нескольких десятков человек. На этом раскопки были завершены и больше не проводились. Следственное дело по факту найденных останков прокуратура возбуждать не стала, а следственная экспертиза лишь подтвердила тот факт, что захоронению больше пятидесяти лет и погребенные там люди были убиты выстрелом в затылок.

Однако тогдашнее руководство Карелии очень быстро поддержало инициативу создания места памяти. В октябре 1997 г. Сандармох уже был открыт как мемориальное кладбище, а в 2000 году кладбище получило статус объекта историко-культурного наследия и было взято под охрану. В той сложной социально-экономической и политической ситуации в Карелии власти явно спешили.

То есть мы можем смело утверждать, что Сандармох, как место массового захоронения, с точки зрения поисковиков почти не изучен.

Заметим, что и во время недавней экспедиции в Сандармох Российского военно-исторического общества в ходе раскопок в 2018–2019 годах вскрыто всего 12 захоронений, а из могил подняты останки 21 человека, от одного до четырех из каждого раскопа. При этом экспедиция РВМО почему-то вызвала массовые протесты

сты либеральной общественности, как будто последняя боялась обнаружения чего-то не вписывающегося в ее картину мира. И действительно, приходится признать, что огромной массы останков в этом месте поисковики из РВМО тоже не нашли. А ведь при заявляемых «Мемориалом» цифрах они обязательно должны были быть!

Более того, некоторые карельские поисковики с учетом своего профессионального опыта говорят о том же — что на этой небольшой территории ни 10, ни 6 тысяч похороненных просто физически быть не может. Скажем, Илья Герасёв, председатель правления общественной организации «Поисковые отряды «Эстафета поколений» в разговоре со мной называл максимальную цифру захороненных в Сандармохе в 2,5 тысячи человек:

«На захоронении в 2018 году работали поисковики из Новгорода. Это лучшие специалисты щупового поиска в России. Они подняли на щуп всю 2-ю ударную армию. Это профессионалы своего дела, которые находят останки до 3-метрового залегания.

Я наблюдал за их работой в Сандармохе. За неделю работы в урочище они «проткнули» несколько гектаров земли и нашли все ямы до одной. Так вот, выяснилось, что большие ямы есть только вдоль основной дороги. Все остальные захоронения — по одному, два и до десяти человек. За их работой наблюдали сотрудники «Мемориала», и по их требованию (если они не верили) ямы вскрывались и проверялись. Например, говорилось, что под этим голубцом захоронения нет, а в этом месте лежат двое или трое. Проверяем? Проверяем! Тут же делается шурф, и все подтверждается.

По итогам работы оказалось, что в Сандармохе нет заявленных тысяч убитых. С учетом всех погрешностей там захоронено от 1000 до 2500 человек. То есть и этот вопрос требует изучения, и возможно — новых комплексных раскопок».

Что у нас получилось с цифрами?

Итак, оказывается, что руководство общества «Мемориал» двадцать с лишним лет вводило общественность в заблуждение, приводя абсолютно непроверенные цифры. До сих пор нет никаких документов, которые бы доказывали декларируемое им количество расстрелянных в Сандармохе. Более того, оно занималось откровенными «приписками», включая в список самых обычных уголовников. А с учетом того, что за более чем 20 лет работы «Мемориал», даже путем различных манипуляций, смог включить в свой список лишь около 6 тысяч человек, то можно говорить просто о «мертвых душах». В число расстрелянных в Сандармохе входят люди, которых никогда не существовало! Это называется дезинформацией.

А нам остается констатировать, что мы до сих пор не знаем, сколько точно людей было захоронено в Сандармохе. Пока установлено, что там расстрелян соловецкий этап, 1111 человек. И возможно — некоторая часть людей из списка заключенных Белбалтлага, раз в источниках говорится о Сандармохе как об обычном месте их расстрелов.

При этом очень важно зафиксировать еще один факт: на сегодняшний день реальных доказательств, что там захоронены репрессированные в 1937–1938 годах

коренные жители Карелии из числа карелов, русских и финнов, просто нет. Нет ни прямых доказательств, на основании найденных документов, ни даже косвенных. Более того, с учетом разницы цифр Дмитриева и Чухина можно смело предположить, что большая часть репрессированных жителей Карелии просто не могли быть казнены в Сандармохе.

Конечно, в ответ можно сказать, что, мол, какая разница, сколько там было расстреляно, ведь смерть каждого человека все равно является трагедией. С этим не поспоришь, хотя в следующих главах придется коснуться того, как мемориальцы трактуют данный принцип. Но все же общество «Мемориал» записало в своем Уставе, что считает целью своей деятельности «участие в восстановлении исторической правды». А получается, что его члены лгали и искажали эту самую историческую правду, реальные исторические факты.

Вынесли порицание — значит, тоже репрессированный

Раздутый список жертв Сандармоха — только один из примеров «качества» исследовательской работы карельского «Мемориала» по установлению количества репрессированных. Однако хочется обратить внимание, что эта организация и руководитель ее карельского отделения Юрий Дмитриев занимались составлением и других подобных реестров.

В далеком 2008 году мне довелось подробно ознакомиться с олонекским списком «Мемориала», который Юрий Дмитриев передал в местную администрацию,

когда в моем родном городе открывали памятник репрессированным в 1937 году олончанам. Сразу бросилось в глаза, что в него были внесены как репрессированные в Олонецком районе уроженцы других мест, так и наоборот — олончане, давно уехавшие со своей малой родины и арестованные совершенно в других районах, областях и республиках Советского Союза. Согласитесь, при подобном методе, если собрать все списки по стране, число репрессированных автоматически увеличивается очень существенно. Но только на бумаге.

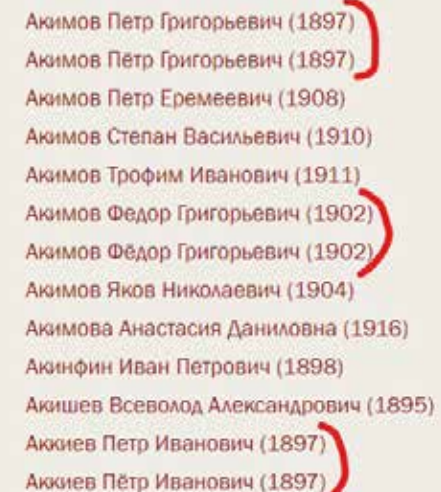
Даже при беглом знакомстве с пронумерованным списком бросалось в глаза, что часто одни и те же люди указывались в нем по два раза, а один человек оказался в списке аж четыре раза! Странная небрежность... И наконец, в этом скорбном списке почему-то оказались «несчастные» крестьяне Олонецкого уезда, которым в 1919 году революционный трибунал вынес общественное порицание за какие-то их незначительные прегрешения. А мы и не знали о такой беспредельной жестокости кровавой большевистской власти! Так или иначе, легким движением руки количество репрессированных было раздуто в 2–3 раза.

Дальше меня ждало еще более удивительное открытие — в «Поминальных списках Карелии, 1937–1938: Уничтоженная Карелия», составленных также Юрием Дмитриевым и размещенных в сети Интернет, обнаружился «Василий Тимофеевич Лазарев, 1910 г. р. в д. Уссун Петровского района». Но это мой дальний родственник, которого я помню живым и бодрым еще в конце 70-х годов! Его действительно арестовали в 1938 году, только быстро выпустили, так что никакой судимости

у него никогда не было. Он был участником Великой Отечественной войны, кавалером ордена Славы, директором лесопункта. Человека с такой биографией господам из «Мемориала» совершенно незачем было «поминать».

Между прочим, рядом с Василием Тимофеевичем Лазаревым обнаружился еще один Лазарев: «Мадамин Лазарев, место рождения: г. Оренбург, татарин, заключенный Беломорско-Балтийского комбината НКВД. Тройкой НКВД Карельской АССР от 28.12.1937 осужден по ст. 82 (побег). Сведений о реабилитации нет». И опять мы видим применение в массовом масштабе такого метода, как включение в списки политических репрессированных граждан, осужденных за уголовные преступления. К тому же не имеющих к нашей республике никакого отношения.

Аналогичные факты обнаруживаются, если зайти на сайт «Книга памяти Республики Карелия», где тоже опубликованы списки репрессированных жителей республики, составленные Юрием Дмитриевым. И вот на первой же странице бросается в глаза наличие сразу трех «двойников». Если посмотреть по биографиям двух Акимовых Петров Григорьевичей, двух Акимовых Федоров Григорьевичей и двух Акиевых Петров Ивановичей — это одни и те же люди, но подсчитаны они по два раза.

Акимов Петр Григорьевич (1897)
 Акимов Пётр Григорьевич (1897)
 Акимов Петр Еремеевич (1908)
 Акимов Степан Васильевич (1910)
 Акимов Трофим Иванович (1911)
 Акимов Федор Григорьевич (1902)
 Акимов Федор Григорьевич (1902)
 Акимов Яков Николаевич (1904)
 Акимова Анастасия Даниловна (1916)
 Акинфин Иван Петрович (1898)
 Акишев Всеволод Александрович (1895)
 Акиев Петр Иванович (1897)
 Акиев Пётр Иванович (1897)

И это только на одной странице, среди всего 13 фамилий! Подобных казусов там можно обнаружить множество.

Однако можно ли тогда говорить о неких «случайных» ошибках общества «Мемориал»? Мне думается, у нас есть все основания считать, что в данной организации существует конкретная методика по максимальному увеличению количества репрессированных в Советском Союзе по политическим мотивам граждан. Методика сознательной дезинформации нашего общества.

А началось это еще с начала 90-х годов, когда в общественное сознание был вбит миф о чуть ли не 100 миллионах «лучших людей», репрессированных в эпоху Сталина. Иногда, ссылаясь на Солженицына, называли цифру в 60 миллионов только погибших человек. И ведь миллионы других людей в это поверили, ибо давно, со времен деятельности небезызвестного доктора Геббельса, установлено, что чем наглее и невероятнее ложь, тем легче в нее верят.

До сих пор у многих наших сограждан при дискуссиях на данную тему срабатывает психологическая защита. Конечно, обидно признаваться самому себе, что 30 лет назад какие-то наглые жулики тебя обманули, как доверчивого простака. Хотя есть признание бывшего председателя правления Международного общества «Мемориал» Арсения Рогинского:

«В начале 90-х я довольно много занимался статистикой советского террора. Изучил огромное количество отчетных «простыней» о терроре за все годы, из разных регионов Советского Союза. Стати-

стика у нас всерьез начинается с 1921 г., до 1921 г. сохранились только разрозненные обрывки. А начиная с 1921 года — огромные папки. Году в 1994-м я все изучил, все расписал и сложил. Дальше — нужно было публиковать. Я посмотрел на свои цифры... Вокруг меня во внешнем мире существуют люди, мнение которых важно для меня: существует традиционное интеллигентское общественное мнение и, что самое главное, мнение бывших заключенных, которых в 1994 г. в живых еще оставалось очень много. И они мерили наши жертвы за всю историю террора какими-то совершенно немыслимыми цифрами, десятками миллионов.

А по моим подсчетам за всю историю советской власти, от 1918 до 1987 года (последние аресты были в начале 1987-го), по сохранившимся документам получилось, что арестованных органами безопасности по всей стране было 7 миллионов 100 тысяч человек. При этом среди них были арестованные не только по политическим статьям. И довольно много. Да, их арестовали органы безопасности, но органы безопасности арестовывали в разные годы и за бандитизм, контрабанду, фальшивомонетничество. И по многим другим «общеуголовным» статьям...

Что с этим делать? И я принадлежу этому обществу, живу среди этих людей, я их часть. Не советской власти часть, не российской демократии, а этих людей. Просто точно знал, что, во-первых, не поверят. А во-вторых, для круга, к которому я считаю себя принадлежащим, это значило бы, что все, что нам говорили о цифрах до этих пор вполне уважаемые нами люди, неправда».

Заметим, Рогинский говорил только об арестованных, а не осужденных. Но суть его слов понятна: существует либеральный миф о политических репрессиях в СССР, и этот миф ни при каких условиях нельзя подвергать сомнению. Добавим, что ситуация с Сандармохом является совсем небольшим эпизодом формирования этого глобального мифа.

Вспоминая Сандармох, вспомните и про Выборг

В завершение этой части книги хочется остановиться еще на одном аспекте рассматриваемой нами проблемы. Урочище Сандармох давно принято приводить в пример как одно из самых больших на Северо-Западе захоронений жертв массовых расстрелов. Чтобы так утверждать, надо заставить себя забыть некоторые иные подобные события первой половины двадцатого века. Например, «Выборгскую резню».

29 апреля 1918 года, менее чем за 20 лет до событий в Сандармохе, захватившие Выборг белофинские войска барона Маннергейма казнили в этом городе без суда и следствия несколько тысяч человек. Историки говорят примерно о 3 тысячах жертв. Большая часть их — финские красногвардейцы, но в числе расстрелянных было от 400 до 1000 русских жителей Выборга, а также поляков и евреев. Показательно, что многие русские служили в Выборге, многие бежали в этот город, будучи противниками Советской власти, и поэтому ждали войска Маннергейма как «освободителей». Среди них были офицеры, солдаты, гражданские лица, в том числе женщины и дети...

Но про так называемую «Выборгскую резню», в которой погибло явно не меньше, а скорее всего, даже больше людей, чем в Сандармохе, почти никогда не вспоминают. Понятно, почему этого не делает «просветительское» общество «Мемориал». Для его руководителей убитые в Выборге люди неинтересны по политическим и идеологическим мотивам. Хотя их как раз можно считать жертвами, причем как политических репрессий, так и этнических чисток. Но ведь и российские власти абсолютно не уделяют внимания увековечиванию памяти об этом трагическом эпизоде нашей общей истории!

Кстати, если присмотреться к участникам современных дискуссий, нельзя не заметить тот удивительный факт, что российские поклонники Карла Густава Маннергейма и обличители сталинских репрессий — это одни и те же люди. А ведь тут, как говорится, либо крестик, либо трусы...

Но еще удивительней бурная реакция на историю с Сандармохом и уголовное дело Юрия Дмитриева некоторых представителей Финляндии. «Озабоченность» этим педофильским скандалом выражали должностные лица соседнего государства, включая министра иностранных дел Пекку Хаависто. На эту тему выступали некие финские историки. За Юрия Дмитриева вступился даже Пен-клуб Финляндии. Вот цитата из его заявления:

«Вот что происходит в ближайшей к нам соседней стране. Мы не можем оставаться равнодушными к тому, как обращаются с Дмитриевым, к явным нападениям на объективную свободу изучения истории и на факты, подтвержденные исследованиями... Согласие с истори-

ей можно найти, лишь изучая ее и открыто обсуждая ее самые мрачные моменты».

Извините, господа, но нам в России тоже не все равно, что происходит в ближайшей к нам стране. Наверное, стоит напомнить, что в 1918 году в Финляндии после победы белых в гражданской войне 8 тысяч красных финнов было расстреляно и еще 12 тысяч человек умерло в концлагерях. В тюрьмы и лагеря было брошено почти 3 процента населения страны, то есть в 2–4 раза больше, чем было всех заключенных, уголовных и политических, в ГУЛАГе даже в самые суровые годы. В концлагеря при Маннергейме заключали даже малолетних детей красных, а самым молодым девушкам, расстрелянным без судебного разбирательства, было 14 лет.

В этой связи остается лишь предложить членам финского Пен-клуба, как и всем остальным общественным и государственным деятелям Финляндии, озабоченным ситуацией с изучением истории Советского Союза, обсудить для начала самые мрачные моменты своей истории, беспощадный геноцид своего населения, осуществленный тогда по политическим и идеологическим мотивам. Можно даже потребовать снести памятники тогдашнему руководителю финского государства Карлу Густаву Маннергейму.

И вот когда памятники этому кровавому палачу, союзнику Адольфа Гитлера и военному преступнику будут в Финляндии низвергнуты, тогда у наших финских коллег появится полное моральное право лезть к соседям со своими проповедями и нравоучениями.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Первый соловецкий этап

Телеграмма Ежова

Итак, на данный момент достоверно установлен лишь тот факт, что в 1937 году в Сандармохе был расстрелян так называемый первый соловецкий этап. Это большая группа заключенных из Соловецкого лагеря, осужденных еще в начале и середине 30-х годов. Стоит акцентировать внимание на том, что они были приговорены к тюремным срокам не в 1937 году, а гораздо раньше, в относительно спокойное время, когда суд и следствие не проходили в режиме кампанейщины.

Печальную точку в судьбе этих людей поставила телеграмма Ежова от 19 августа 1937: «С 25 августа начать и в 2-месячный срок закончить операцию по репрессированию наиболее активных контрреволюционных элементов из числа содержащихся в тюрьмах ГУГБ, осужденных за шпионскую, диверсионную, террористическую, повстанческую и бандитскую деятельность, а также осужденных членов антисоветских партий... В Соловецкой тюрьме ГУГБ репрессированию подвергнуть также бандитов и уголовные элементы... Все перечисленные контингенты после рассмотрения их дел на тройках при УНКВД подлежат расстрелу».

Заметим, что во многих публикациях о Сандармохе фраза «В Соловецкой тюрьме ГУГБ репрессированию

подвергнуть также бандитов и уголовные элементы» обычно опускается.

Конечно, с точки зрения юриспруденции новые репрессивные меры против людей, уже осужденных за преступления, являются грубым нарушением принципов судопроизводства, не говоря уже об общих принципах гуманности. Ведь никакого следствия в отношении заключенных тюрьмы проводить не предлагалось: основанием для включения соловецкого узника в расстрельные списки «наиболее активных контрреволюционных элементов» призвана была служить так называемая «справка», составленная начальником Соловецкой тюрьмы старшим майором госбезопасности Иваном Апетером на основании приговора по первому делу заключенного, а также агентурных данных о нем, полученных из лагеря.

Оформление приговоров было поручено Особой тройке УНКВД Ленинградской области в составе:

Леонида Заковского — начальника УНКВД Ленинградской области;

Владимира Гарина — зам. начальника УНКВД Ленинградской области;

Бориса Позерна — прокурора Ленинградской области.

О дальнейших судьбах работников НКВД, принявших жестокое решение по заключенным Соловецкой тюрьмы, мы еще поговорим. Однако давайте выясним, как и за что все репрессированные в Сандармохе люди попали в Соловецкую тюрьму?

Главным источником для выяснения этого вопроса является список, составленный Юрием Дмитриевым и обществом «Мемориал». При его внимательном

прочтении в нем, действительно, удалось обнаружить множество очень показательных фактов. Конечно, рассказать о всех 1111 заключенных не представляется возможным. Но важно перечислить основные их группы и рассказать о наиболее примечательных персонажах.

За что расстреляли Железняка?

Состав первого соловецкого этапа на самом деле был неординарным. Как сообщается в многочисленных современных публикациях, в него попали люди, представлявшие политическую, культурную и научную элиту многих областей и республик СССР. После этого многие авторы ненавязчиво подводят нас к мысли, что это были лучшие люди страны, лучшие представители своих народов. Все они были исключительно талантливыми, честными, умными и трудолюбивыми людьми. Но злодей Сталин и тоталитарная Советская власть именно таких людей очень сильно не любили, а то и просто ненавидели. Поэтому в 1937 году они их всех взяли и убили в Сандармохе.

Я тут, конечно, утрирую, но, право же, совсем немного. В целом публицистическая версия расстрела первого соловецкого этапа выглядит примерно так. И эта версия устоялась среди известной части российской общественности.

Мне кажется, что реальные факты в данную версию не укладываются. Совсем не укладываются. Ведь если начать изучать списки с сайта «Мемориала», то прежде всего бросается в глаза, что в них много людей, которые с оружием в руках выступали против Советской власти

в годы Гражданской войны. Выражаясь современным юридическим языком, это были участники незаконных вооруженных формирований. Среди них много людей, которые в своей жизни сами убивали, и порой много убивали. И представьте себе, среди них встречаются самые настоящие шпионы и террористы!

Так что, правильно, что ли, их расстреляли? — спросит удивленный читатель. Правильно или неправильно — мне кажется, что так вопрос вообще поставлен быть не может. С точки зрения гуманности всем понятно, что насильно лишать человека жизни неправильно. Как писал Владимир Ильич Ленин, «в нашем идеале нет места насилию над людьми». Между прочим, это были не пустые слова.

Напомню, что постановлением от 26 октября 1917 года Второй съезд Советов отменил смертную казнь на фронте. В инструкции революционному трибуналу от 19 декабря 1917 года в перечне наказаний за самые тяжкие преступления против нового строя смертной казни также не было. И лишь потом белый террор, как и прочие реалии гражданской войны, быстро внесли свои коррективы... Вторая попытка отмены смертной казни после Октябрьской революции была предпринята 17 января 1920 года в постановлении ВЦИК и СНК РСФСР. Однако надолго отложить в сторону применение этой устрашающей меры не получилось, смертную казнь пришлось восстановить буквально через несколько месяцев. Так она и оставалась в 20-е годы, а на 1937–1938 годы пришелся пик ее применения.

Почему же, будучи изначально противниками применения смертной казни, большевики в итоге пришли

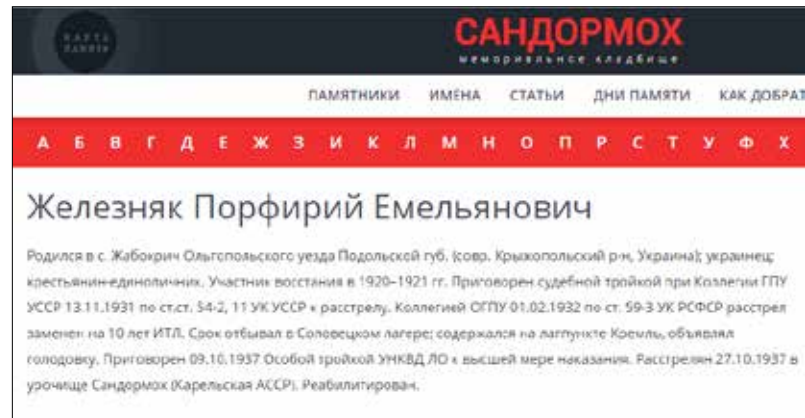
к совершенно иной позиции? Надо ли их в очередной раз заклеить или для постижения исторической правды полезней будет выяснить причины такого поворота? Хотя бы на примере Сандармоха попытаться понять, почему вот именно эти конкретные люди, причем каждый по отдельности, сначала оказались в Соловецкой тюрьме, а в 1937 году были привезены в Сандармох.

Вот один из них, **Железняк Порфирий Емельянович**. В официальном списке общества «Мемориал» сейчас мы можем прочесть об этом человеке следующее:

Родился в с. Жабокрич Ольгопольского уезда Подольской губ. (совр. Крыжопольский р-н, Украина); украинец; крестьянин-единоличник. Участник восстания в 1920–1921 гг. Приговорен судебной тройкой при Коллегии ГПУ УССР 13.11.1931 по ст.ст. 54-2, 11 УК УССР к расстрелу. Коллегией ОГПУ 01.02.1932 по ст. 59-3 УК РСФСР расстрел заменен на 10 лет ИТЛ. Срок отбывал в Соловецком лагере; содержался на лагпункте Кремль, объявлял голодовку. Приговорен 09.10.1937 Особой тройкой УНКВД ЛО к высшей мере наказания. Расстрелян 27.10.1937 в урочище Сандармох (Карельская АССР). Реабилитирован.

Однако с гражданином Железняком у «Мемориала» вышел небольшой технический прокол. Дело в том, что ранее этот список Сандармоха, составленный Юрием

185. **Железняк** Порфирий Емельянович, 1897 г. р., уроженец с. Жабокрин Подольской губ. (Украина), крестьянин-кулак, в прошлом руководитель штаба восстания в 1920–1921 гг., принимал участие в расстреле красноармейцев в гражданской войне. Коллегией ОГПУ 1 февраля 1932 г. приговорен к расстрелу с заменой на 10 лет ИТЛ. **Отбывал наказание в Соловецкой тюрьме.** Особой тройкой УНКВД ЛО 9 октября 1937г. приговорен к ВМН. Расстрелян 27 октября 1937г.

Дмитриевым, частично публиковался на других сайтах. Очевидно, что этими данными щедро делились с разными ресурсами. И вот из ранее опубликованного на сайте «Пандия.Ру» списка украинцев и граждан Украины, погибших в Сандармохе, мы можем узнать, что Порфирий Иванович Железняк числился кулаком, в прошлом был не просто участником, но и руководителем штаба восстания в 1920–1921 гг., и самое главное, он «принимал участие в расстреле красноармейцев в гражданской войне».

Очевидно, что господа из «Мемориала» фразу про его участие в расстрелах пленных красноармейцев в последнем, отредактированном списке «Мемориала» подчистили. А зачем? Ведь это тоже историческая правда — жертвой «сталинских репрессий» в данном случае оказался палач. Можно было бы просто вычеркнуть из списка этого человека. Однако граждане из «Мемориала» вычеркнули именно компрометирующие его детали биографии. Очень показательно.

В этой связи логично предположить, что мемориальцы, когда редактировали список Сандармоха, мог-

ли и напротив ряда других фамилий «ненужные» подробности подчистить. Не зря же там попадают люди без каких-либо биографических данных, так что совершенно нельзя понять, за что они попали в Соловецкую тюрьму.

Но вернемся к вопросу о том, можно ли говорить, что Порфирия Емельяновича Железняка расстреляли «правильно»? А вот тут могут быть совершенно разные точки зрения. С точки зрения членов семей тех красноармейцев, которых расстреливал Порфирий Емельянович, не просто правильно, а даже слишком поздно настигла его эта кара за прошлые преступления. А, например, с точки зрения идеологии современного государства Украина его казнь является преступлением тоталитарного режима и вообще он герой. А героям, как известно, слава!

Общество «Мемориал», занимающееся якобы восстановлением исторической правды, могло бы хоть изобразить объективный подход к тем событиям. Раз пишете про «красный террор», не забудьте упомянуть и про «белый». Помните, в «Тихом Доне» у Шолохова есть один пронзительный эпизод, когда мать Григория Мелехова говорит ему:

«Ты бога-то... бога, сынок, не забывай! Слухом пользовались мы, что ты каких-то матросов порубил... Да ты, Гришенька, опамятуйся! У тебя ить вон, гля, какие дети растут, и у энтих, загубленных тобой, тоже детки остались...».

Да, у расстрелянных кулаком Железняком красноармейцев тоже были дети. И жизни этих парней тоже имели значение. Но деятелям из «Мемориала» этот факт

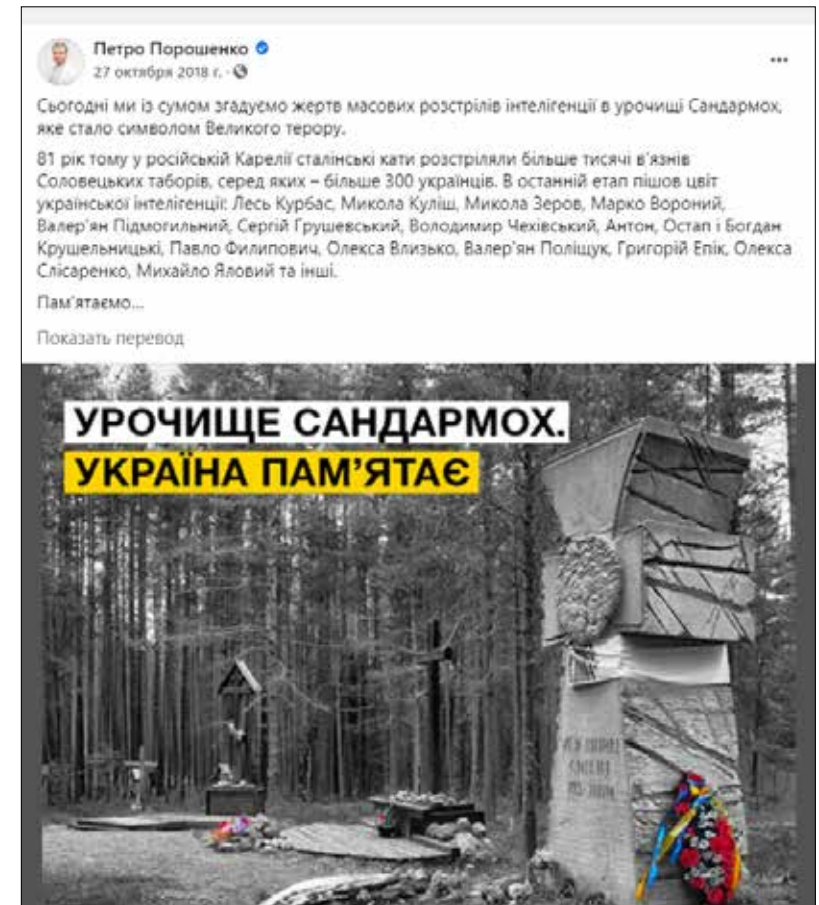
оказывается абсолютно неинтересен. Им интересно максимально раздуть список «невинно репрессированных». Именно поэтому туда был включен украинский кулак Порфирий Железняк, расстреливавший пленных красноармейцев. Хотя теперь всем должно быть ясно, почему жизнь этого человека оборвалась в карельском урочище Сандармох.

Сандармох как «кладбище украинской интеллигенции»

Среди 1111 заключенных первого Соловецкого этапа, расстрелянных в Сандармохе в 1937 году, почти 300 человек были так или иначе связаны с Украиной. Ныне в Сандармохе даже установлен памятник-крест «Убиенным сынам Украины». Власти этого государства регулярно упоминают об этом событии. Например, Петр Порошенко в бытность его президентом написал на своей странице в фейсбуке:

«Сегодня мы с грустью вспоминаем жертв массовых расстрелов интеллигенции в урочище Сандармох, которое стало символом Большого террора. 81 год назад в российской Карелии сталинские палачи расстреляли более тысячи узников Соловецких лагерей, среди которых — более 300 украинцев».

Надо добавить, что для нынешних властей Украины расстрелы в урочище Сандармох считаются доказательствами сталинской политики этноцида украинского народа. Несмотря на то что за советский период численность украинцев на территории Украины заметно выросла, а за последние 30 лет либеральной свободы —

наоборот, сильно сократилась. Впрочем, это обычный пример шизофренизации сознания на постсоветском пространстве.

Что касается расстрелянных в Сандармохе украинцев, то сразу бросается в глаза то, что там очень много петлюровцев, причем не рядовых, а офицеров и даже министров петлюровского правительства. Таких как министр просвещения УНР в 1919 году Антон Владиславович Крушельницкий. В Сандармохе был расстре-

лян и Николай Михайлович Любинский, который был членом украинской делегации на переговорах в Бресте и министром иностранных дел УНР. Здесь же Владимир Моисеевич Чеховский, председатель Совета народных министров Украинской народной республики (УНР) в декабре 1918 — феврале 1919 гг. Как сообщают биографы, во время его премьерства правительство УНР одобрило законы о государственном языке Украины (украинском) и об автокефалии Украинской православной церкви, утвержденные затем Директорией. Темы весьма актуальные и очень острые, как будто и не прошло с того времени целых 100 лет... Ведь все эти люди хотели навсегда отделить Украину от России.

Напомним, что после Октябрьской революции украинские националисты попытались создать независимое

Жертвы петлюровского погрома в Проскурове. Февраль 1919 г.

государство. Сначала режим гетмана Скоропадского. 14 декабря 1918-го на смену гетману пришла Директория УНР, сначала Владимира Винниченко, а затем Симона Петлюры. В ее армии преобладали антисемитские настроения, что вылилось в массовые погромы еврейского населения в 1919 году, в ходе которых были убиты десятки тысяч человек.

В подавляющем большинстве случаев точно нельзя установить, что конкретно каждый из бывших петлюровцев, казненный в Сандармохе, делал в 1919 году, но исключения есть. Например:

Садовский Геннадий Леонидович. Украинец; из семьи священника; в 1919 офицер армии УНР, войсковой комендант Житомира. Приговорен в 1926 г. по ст. 58-10 УК РСФСР, содержался в Лукьяновской тюрьме в Киеве, затем еще раз приговаривался к 10 годам ИТЛ. Срок отбывал в Белбалтлаге, затем на Соловках.

Что в 1919 году происходило в Житомире? Первый раз петлюровцы захватили этот город 22 марта 1919 года. В ходе первого еврейского погрома было убито 317 человек. В конце июля 1919 года Житомир вновь оказался в зоне боевых действий. Город переходил из рук в руки. И в те дни, когда Житомир оказывался в руках петлюровцев, они снова и снова грабили, насиловали, пытали и убивали евреев. Они врываются в еврейские квартиры с криками «Долой коммунистов!» или «Давай женщин!». Каждый день вели под конвоем к вокзалу толпы мужчин и там их расстреливали.

Совершенно ясно, что петлюровский комендант Житомира к происходящему в Житомире имел самое непосредственное отношение. Очередной пример, как

«невинная жертва сталинского режима» оказывается убийцей и военным преступником.

Когда 25 мая 1926 года в Париже в отместку за еврейские погромы на Украине Шаломом Шварцбардом был убит успевший бежать на Запад Симон Петлюра, со стороны защиты выступило 180 свидетелей, подробно рассказавших об ужасах еврейских погромов на Украине при власти Директории. Через 8 дней Шварцбард был оправдан большинством присяжных. Стоит напомнить и о том, что совсем недавно Всемирный Еврейский конгресс осудил открытие памятника Симону Петлюре в Виннице. Но ведь не он же один убивал, это делала его армия и ее командиры! Этих украинских националистов и бывших офицеров украинских вооруженных формирований, причастных к геноциду еврейского населения Украины в 1919–1920 годах, в списке Сандармоха немало.

Николай Островский в своем романе «Как закалялась сталь» описал те события:

«Многим не забыть этих страшных двух ночей и трех дней. Сколько исковерканных, разорванных жизней, сколько юных голов, поседевших в эти кровавые часы, сколько пролито слез, и кто знает, были ли счастливее те, что остались жить с опустевшей душой, с нечеловеческой мукой о несмываемом позоре и издевательствах, с тоской, которую не передать, с тоской о невозвратно погибших близких. Безучастные ко всему, лежали по узким переулкам, судорожно запрокинув руки, юные девичьи тела — истерзанные, замученные, согнутые...»

Если «Мемориал» — солидная либеральная организация, то надо бы пояснить, как в список невинных жертв попали люди, проводившие этнические чист-

ки? Нет, я вовсе не утверждаю, что все 100 процентов расстрелянных в Сандармохе уроженцев Украины непосредственно участвовали в массовых погромах и расстрелах. Но памятник «Убиенным сыновьям Украины» в Сандармохе — он ведь поставлен и тем, кто сам убивал, и много убивал, не так ли? Ради исторической справедливости было бы неплохо там же, рядом с памятником «сынам Украины» установить информационный стенд о жертвах петлюровских погромов на Украине.

Сам факт, что в уголовных делах заключенных Соловецкой тюрьмы есть упоминания про их петлюровское прошлое, говорит о том, что чекисты наряду с другими учитывали и эти эпизоды их прошлой деятельности.

После окончания Гражданской войны многие петлюровцы попали под амнистию и даже начали делать карьеру в новых органах власти, так как проблема с образованными кадрами была тогда очень острой. Но при этом они оставались националистами. В 1930–1931 годах на Украине прошли публичные процессы по делу «Спилки вызволения Украины» (СВУ) или «Украинской военной организации» (УВО). Часто можно встретить утверждение, что они не существовали как законспирированные организации, а были больше провокацией ОГПУ. Однако и сейчас часть украинских авторов признают их реальное существование. Другие же утверждают, что «правдоподобнее будет предположить, что подсудимые на процессе СВУ были украинскими патриотами и активно работали для украинского национально-культурного возрождения 1920-х гг., но они это делали самостоятельно, не получая четких директив от украинской эмиграции».

Так или иначе, мы имеем дело с реальным националистическим, сепаратистским подпольем. С которым любое государство, желающее сохранить свое единство, будет бороться.

Кроме ориентированных на отрыв Украины от России политиков в списке Сандармоха представители национальной, а если выразиться точнее — националистической интеллигенции. Одним из таких эталонных украинских «патриотов» и ярким представителем этой самой интеллигенции был расстрелянный в Сандармохе **Степан Рудницкий**. Да, выдающийся географ, организатор и директор Украинского научно-исследовательского института географии и картографии. Но не только...

Степан Рудницкий — автор популярной ныне на Украине книги «Почему мы хотим самостоятельную Украину». В ней утверждается, что украинцы — совершенно особый народ, даже по антропометрическим показателям. Некая особая раса, которой лучше не смешиваться со всякими москалями и ляхами, и ей тоже нужно свое государство и жизненное пространство:

«...С этой стороны для нас, украинцев, является полезной комбинация нашего элемента только с т. н. северной расой (скандинавцы, большая часть англосаксов, немцы) и со сродственными с нами расово южными славянами и чехами. С другой стороны, бесполезными являются комбинации с поляками, москалями, румынами, туркотатарами, жидами и т. п.»

В современной Донецкой Народной Республике книга Степана Рудницкого «Почему мы хотим самостоятельную Украину» признана экстремистской. Совер-

шенно ясно, почему это произошло. Конечно, при желании этого любителя порассуждать над полезными расовыми «комбинациями» можно считать невинной жертвой чекистов и лично товарища Сталина. Но ведь совершенно понятно, почему в интернациональном Советском Союзе, который уже тогда вел борьбу с фашизмом, носителей подобных расистских и нацистских взглядов должна была ждать печальная участь. Таких, как Рудницкий, даже в современной «цивилизованной» Европе пока еще не сильно любят...

Конечно, есть в украинской части списка Сандармоха и весьма запутанные биографии. Это вообще свойственно бурной революционной эпохе. Например, **Василий Дидушек**, выпускник юридического факультета Львовского университета, капитан австрийской армии. В 1918 году он перешел на сторону УНР, был командиром куреня украинских сечевых стрельцов (УСС), комендантом Киева, начальником штаба корпуса. По окончании Гражданской войны неожиданный вираж: Василий Дидушек вступает в ВКП(б) и становится сотрудником Разведупра Генштаба РККА! В 1932 г. отозван из-за границы. Приговорен 02.09.1933 Коллегией ОГПУ к расстрелу с заменой на 10 лет ИТЛ. Срок отбывал на Соловках. Кто он — двойной агент или человек, пострадавший за свое националистическое прошлое? Без досконального изучения его личного дела совершенно непонятно.

Или **Емельян Волох**, в 1918 г. полковник армии УНР, командир бригады петлюровской армии. В январе 1920-го добровольно переходит на сторону правительства УССР, становится командиром роты в Красной армии. Впоследствии советский госслужащий. Арестован

04.05.1933 по делу «Украинской военной организации». Попадают в список и политические деятели Советской Украины, например, бывший эсер, а потом член КП(б)У **Михаил Полоз** и известный режиссер **Лесь Курбас**. Все они считаются сейчас защитниками национальных украинских интересов.

Примечательна фигура лидера группы «неоклассиков» **Николая Зерова**, которого современники и следующие поколения украинцев называют «кардиналом украинской литературы» и «личностью поистине вселенского масштаба». Из современных публикаций в Интернете можно узнать следующее:

«Николай Зеров в числе других поэтов и прозаиков отстаивал мнение о том, что украинская литература должна стать неотъемлемой частью европейской культуры. Группа энтузиастов разных времен вела украинскую литературу к мировым высотам... Стремлением к истокам Зеров считал путь к высокому искусству, ориентацию на «психологическую Европу», противопоставлением которой является примитивизм масскульта с привлечением рабочих и крестьян к литературному творчеству... Зеров понимал, что необразованные люди не прощают людям интеллигентным более высокого уровня развития. Литератор догадывался, что «пролетариат» не простит ему ни известных людей, ни славы, ни тем более украинства...»

Какая знакомая риторика! Между прочим, согласно украинскому законодательству об осуждении тоталитарного коммунистического режима имя Зерова присвоено бывшему парку имени Николая Островского, в котором в 2016 году был демонтирован памятник вели-

кому советскому писателю... Символично, что уроженца Украины, роман которого переведен на более чем 100 языков и издан более чем в 100 странах мира, заменили на малоизвестного даже на территории бывшего СССР литератора...

Наверное, можно говорить о том, что в 1920-е годы процесс украинизации, который возглавила националистически настроенная интеллигенция, принял, как писал Иосиф Сталин еще в 1926 году, «характер борьбы за отчуждение украинской культуры и украинской ответственности от культуры и общественности общесоветской, характер борьбы против Москвы вообще, против русских вообще, против русской культуры». Возможно, для большевиков, искренне пошедших на такую политику, это оказалось неожиданным. Но закрывать на это глаза власть не могла. И подводя некоторые итоги, мы можем констатировать, что аресты в начале 30-х годов были не репрессиями против абсолютно невинных людей, а попытка удара по «пятой колонне», которая на Украине реально существовала.

При этом надо учитывать, что в те годы в органах ОГПУ работали люди, прошедшие Гражданскую войну и сформировавшиеся в тех жестоких условиях. Понятно, что они, образно говоря, «били по площадям». А в итоге в списке репрессированных оказались самые настоящие военные преступники и члены действующего националистического подполья. Но попадались, увы, и просто фрондирующие против Советской власти интеллигенты, которые отнюдь не заслуживали слишком сурового приговора. К сожалению, в 37-м году без разбора их всех повезли в Сандармох...

В завершение этой части нашего рассказа можно констатировать, что у нас прямо перед глазами проходит очень любопытный и познавательный исторический эксперимент. А именно — 30 лет назад к власти на Украине пришли идейные и политические наследники расстрелянной в Сандармохе националистической «элиты». Стала ли после этого Украина самостоятельным и процветающим государством, принесла ли их победа счастье украинскому народу? На этот вопрос каждый может ответить самостоятельно.

«Участвовал в вооруженном выступлении»

Еще более показательны данные из списка Сандармоха, касающиеся уроженцев Закавказья. Их там относительно немного. Например:

Геборкян Усик Маркорович, в 1921 году принимал участие в боях против красных частей на Камарлинском фронте. Арестовывался в г. Эривань в 1930 г. за «к/р деятельность»;

Григорьян Эноха Сафарович, был приговорен в Закавказье за «активную повстанческую деятельность», бежал за границу. Вернулся в СССР, оказал сопротивление при поимке. Приговорен 27.03.1934 Коллегией ОГПУ к расстрелу с заменой на 10 лет ИТЛ;

Дарчинян Хачатур Акопович, член партии «Дашнакцутюн». Участвовал в вооруженном выступлении против коллективизации в 1929 г. Эмигрировал в Турцию и вернулся в СССР. Приговорен 26.05.1932 Коллегией ОГПУ к расстрелу с заменой на 10 лет ИТЛ.

Хачмажукян Ашот Авакимович, бывший член партии «Дашнакцутюн». Участник убийства бывшего турецкого министра Джемаль-Паши в 1922 г. в Тифлисе. Отбывал ссылку в г. Воронеже с 1927 года. Приговорен 09.03.1935 Особым совещанием при НКВД СССР к 5 годам ИТЛ. Срок отбывал на Соловках.

Талахадзе Ермолай Иванович, грузин, меньшевик. Арестован 19.08.1931 («взят отрядом ОГПУ Грузии с оружием в руках»). Приговорен 27.07.1932 по ст.ст. 58-10, 11 УК РСФСР к расстрелу. 22.08.1932 Коллегией ОГПУ расстрел заменен на 10 лет ИТЛ. Срок отбывал на Соловках.

Тевдорошвили Дмитрий Глахович, в 1930 г. приговорен за «к/р троцкистскую деятельность» к 5 годам ИТЛ. Отбывал срок в Мариинском лагере, откуда через три месяца совершил побег. Нелегально находился в Тифлисе, переходил границу Турции, проживал в Москве «по подложным документам». В 1935 г. приговорен Особым совещанием при НКВД СССР к 5 годам ИТЛ.

Опять нам остается просто констатировать, что и в этом случае мы имеем дело не с невинными людьми, которым злобные чекисты «шили» уголовные дела на пустом месте, а с вполне реальными представителями вооруженного националистического подполья. Опять же, с точки зрения нынешних «элит» закавказских государств их легко можно объявить борцами за свободу, отстаивавшими свои принципы. Пусть будет так. Тем более что та же партия «Дашнакцутюн» в наши дни действует в Армении и даже входила в правительствен-

ные коалиции. А мы просто спросим: принес ли реванш последователей этих боевиков, произошедший те же 30 лет назад, благополучие и мир нынешней Армении?

Любопытно, что как в Армении в 90-е годы в рамках реставрации капитализма возродилась партия «Дашнакцутюн», так и в соседнем Азербайджане опять возникла партия «Мусават». Один из видных деятелей того, старого «Мусавата», Джавад бек Мелик-Еганов, в 1918–1920 годах генерал-губернатор Ленкоранского уезда и депутат парламента Азербайджанской республики от фракции «Мусават», тоже оказался в составе первого соловецкого этапа. Сейчас он считается жертвой репрессий. А считаются ли в современном Азербайджане жертвами политических репрессий, например, 26 бакинских комиссаров? Нет, не считаются, и более того, новая азербайджанская власть показательно снесла все памятники им.

«Белое воинство, белая кость...»

Одна из самых многочисленных категорий в списке Сандармоха — это русские белогвардейцы. Офицеры врангелевской армии, деникинской контрразведки, комендант Читы при Колчаке, бойцы из отряда атамана Анненкова...

Заметим, что касается последнего, то его в современной России так и не реабилитировали, несмотря на все попытки определенных политических сил. Сделать это просто невозможно, ведь атаман Анненков — военный преступник, чьи «подвиги» задокументированы и вызвали ужас и отвращение даже у других полевых ко-

мандиров белой армии. Из-за множества таких вот эпизодов в его деятельности:

«Они нашу деревню оцепили и начали рубить. Кто из мужчин не успел убежать, всех изрубили — 18 человек. Делали что хотели, забирали, палили, смеялись над женщинами и девушками, насиловали от 10 лет и старше. И тогда моего мужа взяли в город и изрубили, отрезали нос и язык, вырезали глаза, отрубили полголовы. Мы нашли его уже закопанным. Всех оставшихся в селе перепороли. Деревня была сожжена...».

В Сандармохе оказалось несколько бывших анненковцев, в том числе гражданин с оригинальной фамилией Садовов-Уэльский. Читаем на сайте общества «Мемориал»:

Садовов-Уэльский Михаил Сергеевич. Во время Гражданской войны служил в армии Колчака (в отряде атамана Анненкова). В прошлом трижды судим. Перед последним арестом жил в г. Москве, ст. статистик треста «Водоканализация». Арестован как «член организации франко-масонов». Приговорен 14.07.1933 Коллегией ОГПУ по ст.ст. 58-8, 10, 11 УК РСФСР к расстрелу с заменой на 10 лет ИТЛ. Срок отбывал на Соловках.

Упоминание масонов как бы свидетельствует о смехотворности обвинения со стороны органов безопасности. Хотя и тут нужно разбираться, что скрывалось под этой вывеской. Но служба у атамана Анненкова сама по себе является позорным клеймом, это все равно что служба в зондеркоманде СС.

Тогда почему этот человек, убийца и бандит, оказался в списке тех, кого считают невинными жертвами сталинских репрессий? Это ведь тоже издевательство над

памятью тех честных граждан, кто действительно пострадал ни за что!

Есть в списке Сандармоха и другие подобные персонажи. Например, **Андерсон Николай Христофорович**, 1886 г. р., из дворян. Бывший полковник царской армии. В армии Колчака — помощник начальника гарнизона г. Читы и комендант города. Является японским эмиссаром. В 1933 г. переброшен из Китая в СССР с заданиями японского шпионажа. Осужден тройкой ОГПУ ЛО 10.05.1933 по ст. 58-6 — 10 лет.

Итак, при колчаковщине гражданин Андерсон Н. Х. был комендантом Читы. На основе данной информации уже можно найти кое-какие подробности его службы. Например, голландец Людвик Грондис, не разделявший большевистских взглядов, в своей книге «Война в России и Сибири» сообщает про то, что «в июле 1919 года в Читу прибыл из Верхнеудинска эшелон с 348 гражданскими лицами, в их числе было много женщин и детей от 15 до 16 лет, все они были арестованы по малозначительным причинам. Так как в Чите никто не знал, что делать с этим эшеленом, его отправили в Адриановку... Полковник Степанов заявил, что не имеет достаточного количества продовольствия, чтобы накормить большое число людей, и совместно с полковником Поповым из казачьего гарнизона Маккавеево доставил арестованных к месту казней, в Тарскую падь... Несчастные, выталкиваемые из вагонов казаками, бросились бежать, ... но были скошены из пулеметов. В тот же вечер казаки продавали окровавленную одежду жертв».

Имеет ли комендант Читы, гражданин Андерсон Николай Христофорович, отношение к убийству 348 чело-

век? Безусловно, имеет. И скорее всего, данный эпизод был не единственным в его карьере. В современной интернет-публикации о его судьбе сообщается: «В 1933 году был якобы переброшен из Китая со шпионским заданием». А почему якобы? Как бывший полковник нелегально попал из Китая в СССР? И главное — зачем? Есть все основания полагать, что перед нами не только военный преступник, но и самый настоящий агент иностранной спецслужбы.

Возьмем еще одну биографию: **Сергеев Алексей Сергеевич**. Во время Гражданской войны полуротный командир в отряде Булак-Балаховича, в 1922 г. вернулся в СССР из Латвии. В 1929 г. находился под следствием по подозрению в содействии к переходу границы. Арестован 17.06.1932 по обвинению в «к/р деятельности и шпионаже». Приговорен 15.09.1932 Коллегией ПП ОГПУ в ЛВО по ст.ст. 58-4, 6 УК РСФСР к 10 годам ИТЛ. Срок отбывал на Соловках.

У белого генерала Булак-Балаховича репутация сложилась немногим лучше, чем у атамана Анненкова. Корреспондент белой газеты «Русские ведомости» князь Львов писал: «Мы ехали по району, оккупированному год тому назад знаменитым Булак-Балаховичем. Народная память осталась о нем нехорошая. Грабежи и, главное, виселица навсегда, должно быть, погубили репутацию Балаховича среди крестьянского мира. За 40–50 верст от Пскова крестьяне с суровым неодобрением рассказывают о его казнях на псковских площадях и о его нечеловеческом пристрастии к повешениям».

Погромы Булак-Балаховича сопровождались большим количеством жертв и среди еврейского населе-

ния. Хватает описаний, как члены его отряда, вымогая припрятанное на черный день золото или продукты питания, отрезали уши, нос, язык, выкалывали глаза, душили, имитировали повешение с последующим извлечением из петли, избивали плетью и палками до полусмерти и др. Совершенно ясно, что гражданин Сергеев А. С., будучи одним из командиров в таком отряде, не мог не участвовать во всей этой вакханалии.

Но больше всего в списке Сандармоха бывших колчаковцев, несколько десятков. Дискуссии вокруг фамилии так и не реабилитированного адмирала Колчака не утихают, но без сомнения, при его правлении белыми войсками совершались массовые убийства и иные преступления. Типичная судьба у поручика **Петра Ниловича Пакшина**, служившего в личной охране Колчака. Арестован по делу «Белогвардейского заговора». Приговорен Коллегией ОГПУ в Новосибирске 05.08.1933 по ст.ст. 58-2, 11 УК РСФСР к расстрелу, 27.08.1933 расстрел заменен на 10 лет ИТЛ.

Или возьмем арестованного по делу «Белогвардейского заговора» поручика **Михаила Петровича Валынина**. Этот сын бывшего полицейского в 1920 году приговорен за службу в белой армии, в 1922 — за участие в Колыванском восстании, в котором он руководил группой повстанцев.

Хочется заметить, что в то время в любой так называемой «цивилизованной стране» за руководство мятежниками его бы могли расстрелять на месте. Но тут мы опять сталкиваемся с тем фактом, что в начале 20-х годов Советская власть явно стремилась проявить гуманность к побежденному врагу, амнистировать боль-

шинство тех людей, которых нынешним юридическим языком можно назвать «членами незаконных вооруженных формирований». Возможно, считалось, что при построении нового общества эти люди быстро перевоспитаются. Жестокие приговоры для них оказались отложенными на потом, на 30-е годы. Такой вот парадокс.

Вот и фельдфебель колчаковской армии **Андрей Васильевич Соколовский** в 1920 году был приговорен всего к 2 годам (в материалах ОГПУ: «привлекался к ответственности за убийство»). В 1931–1932 годах по делу того же «Белогвардейского заговора» он получил гораздо более серьезные приговоры, а в итоге оказался в первом соловецком этапе.

Еще более удивительная, не вписывающаяся в распространенные ныне стереотипы судьба у **Пантелеймона Константиновича Казаринова**. В современных публикациях его представляют как краеведа, библиографа, педагога. Но в 1919 году он был помощником прокурора Иркутского окружного суда, членом Следственной комиссии при правительстве Колчака. Совершенно ясно, что в этом качестве он не мог не участвовать в репрессиях против членов партии большевиков и иных противников колчаковского режима. Но в 1920 году Пантелеймон Константинович уже народный судья и член коллегии губернского суда в составе первого советского народного суда в Иркутске! Возможно, именно колчаковское прошлое аукнулось этому человеку уже в начале 30-х годов.

Странная биография у **Василия Васильевича Бечаснова**, капитана царской и белой армии (Марковский полк), контрразведчика штаба Врангеля. В 1921 г. вер-

нулся из эмиграции, арестован, привлечен ВЧК для секретной работы и отправлен за рубеж. В 1923 г. вернулся в СССР, приговорен к 3 годам лишения свободы, совершил побег из места заключения. В 1934 году приговорен к 10 годам ИТЛ. Кто он? Двойной агент?

Матвей Яковлевич Конарев в списке «Мемориала» представлен как участник 1-го Кубанского похода в отряде генерала Покровского на Кубани. Тут стоит напомнить, что именно в начале этого похода, более известного как Ледяной, генерал Лавр Корнилов заявил: «Я даю вам приказ, очень жестокий: пленных не брать!» Без сомнения, Матвей Конарев к исполнению этого приказа имел отношение. В то время, это январь 1918 года, у большевиков еще действовала норма об отмене смертной казни. Маховик террора раскручивался именно белыми. Как видим, к некоторым из них этот страшный бумеранг вернулся через целых 19 лет...

Вот еще две показательные судьбы. Штабс-капитан врангелевской армии **Александр Казимирович Вальда-Фарановский**:

«В октябре 1920 г. ранен, попал в плен к красным, бежал. В 1921 г. находился под следствием в г. Мелитополь («участие в к/р организации»). 14.09.1921 бежал из тюрьмы, скрывался в горах Крыма. Поступил на службу под вымышленной фамилией Вальда; арестован 20.04.1932 по подозрению в шпионаже».

Константин Ефимович Ферулев. Бывший пленный Первой мировой войны, он из немецких лагерей попал на Север, завербованный англичанами. После поражения как «бывший белый офицер» приговорен к 2 годам принудработ; отбыл 9 мес. срока, амнистирован.

В 1922 г., ожидая ареста, уехал из Архангельска, скрывался. Арестован в Архангельске в марте 1927 г. Приговорен в июле 1927 г. Архангельским губсудом по ст. 162 «д» УК РСФСР к 10 годам концлагеря, отправлен на Соловки».

Между прочим, 162-я статья, пункт «д», в Уголовном кодексе РСФСР 1926 года — это кража, совершенная из государственных и общественных складов и хранилищ лицом, имевшим особый доступ в таковые или охранявшим их, путем применения технических средств или неоднократно. Просто банальная уголовщина.

Да, далеко не все белые офицеры смирились со своим поражением. Мотивы их разного рода противоправных действий в 20–30-е годы понятны, но также понятна и реакция государства на такие действия.

При этом вряд ли можно говорить о том, что одна лишь служба в белой армии автоматически приводила к тому, что в 30-е годы человека должны были репрессировать. В конце концов, хорошо известна судьба маршала Советского Союза Леонида Александровича Говорова, который в 1918–1919 годах служил поручиком в колчаковской армии. Или командира роты в армии дашнаков Ивана Багрямяна, также будущего маршала и командующего фронтом в годы Великой Отечественной войны.

Менее известна судьба советского генерала Тимофея Тимофеевича Шапкина, с 1918 по 1920 год бывшего подъесаула Добровольческой армии, а в советское время генерал-лейтенанта РККА. Совершенно не вписывается в нынешние исторические стереотипы и биография генерал-майора колчаковской армии Аполлона Яковлевича Крузе, на завершающем этапе Великой Отечественной — командира 24-го гвардейского стрелкового корпуса 2-го

Украинского фронта. Серьезных проблем с органами безопасности у этих людей почему-то не возникало. Как не было их, например, у пропагандиста белой армии, редактора колчаковской фронтовой газеты Василия Григорьевича Янчевецкого, более известного советскому читателю под именем В. Яна, автора популярных исторических романов и лауреата Сталинской премии.

О белой альтернативе

В связи с расстрелами в Сандармохе бывших белых офицеров нелишне будет совершить небольшой исторический экскурс и напомнить об имевшейся в годы Гражданской войны реальной альтернативе.

Один малоизвестный факт: 23 июля 1919 года Особым совещанием при главнокомандующем Вооруженными силами Юга России Антоне Деникине был утвержден «Закон в отношении участников установления в Российском государстве советской власти, а равно сознательно содействовавших ее распространению и упрочению», разработанный под руководством ученого-правоведа, председателя Московской судебной палаты В. Н. Челищева. Заметим, рафинированного русского либерала, члена партии кадетов — «партии народной свободы».

Согласно тексту этого закона, все, кто был виновен «в подготовке захвата государственной власти Советом народных комиссаров, во вступлении в состав означенного Совета, в подготовке захвата власти на местах советами солдатских и рабочих депутатов и иными подобного рода организациями (комбедами, ревкома

и др.), в сознательном осуществлении в своей деятельности основных задач советской власти», а также те, кто участвовал «в сообществе, именуемом партией коммунистов (большевиков), или ином обществе, установившем власть советов», подвергались смертной казни с конфискацией имущества.

«Прочие виновные в содействовании или благоприятствовании деятельности советской власти» исходя из тяжести совершенного ими деяния осуждались к следующим мерам наказания: «бессрочная каторга», или «каторжные работы от 4 до 20 лет», или «исправительные арестантские отделения от 2 до 6 лет».

А теперь напомним, что только членов партии большевиков к началу 1920 года было 611 тысяч. Совершенно «законно» они все должны были быть расстреляны. Прибавляем сюда хотя бы только руководство 122 тысяч комбедов, еще большего количества Советов различных уровней и прочих активистов. Это еще минимум несколько сот тысяч человек, обреченных на уничтожение. В целом, в масштабах тогдашней России, это значило санкцию на убийство более миллиона человек, а еще несколько миллионов жителей страны, сочувствовавших красным, отправились бы на долгие годы в «демократический ГУЛАГ».

Таким образом, если бы в Гражданской войне победили не большевики, а белые, они бы практически одномоментно казнили бы в два-три раза больше людей, чем было вынесено смертных приговоров, обоснованных и необоснованных, за 30 лет правления И. В. Сталина. В этом нет ничего удивительного, именно в таких пропорциях к общему количеству населения был мас-

штаб белого террора в Финляндии, о котором уже упоминалось.

Особо отметим, что все эти решения руководство белого движения принимало открыто и официально, никого не стесняясь. В отличие, например, от засекреченных приказов наркома Ежова. Однако Николай Ежов совершенно заслуженно считается преступником, не подлежащим реабилитации, а Антон Деникин или кадет Виктор Челищев — просвещенными деятелями русской истории. Первый в современной России даже удостоился торжественного перезахоронения. Парадокс, однако.

Собственно говоря, ответ на вопрос, почему большое число представителей белого движения оказалось в Сандармохе, предельно прост и банален. Они оказались там потому, что проиграли в Гражданской войне. Если бы эти замечательные люди победили, то сами бы отправляли на расстрел, виселицу и в тюрьмы сотни тысяч рабочих, крестьян и представителей интеллигенции из числа сторонников Советской власти.

Бандиты, воры, коррупционеры...

Как уже говорилось, в список Сандармоха общество «Мемориал» внесло почти две тысячи заключенных, осужденных в большинстве случаев за побеги и в основном — бывших уголовников. Однако при внимательном чтении списка первого соловецкого этапа выясняется, что и в нем присутствуют осужденные задолго до 1937 года убийцы, бандиты, воры и коррупционеры. Напомню еще раз, что телеграмма Ежова от 19 августа

1937 г. предписывала «подвергнуть репрессированию также бандитов и уголовные элементы» и что по понятным причинам в ряде публикаций эта фраза изымается.

Начинаем читать список Сандармоха, сверяя данные «Мемориала» с действовавшим на тот момент Уголовным кодексом РСФСР 1926 года. Вот человек с простой русской фамилией Зенин:

Зенин Василий Петрович, быв. член ВКП(б). Арестован 01.10.1927, приговорен по ст. 137 УК РСФСР, бежал из заключения. Приговорен тройкой ПП ОГПУ по Северо-Кавказскому краю 03.11.1930 по ст. 59-3, 82 УК РСФСР к 10 годам ИТЛ. Срок отбывал в Соловецком лагере, неоднократно выдворялся на 6 месяцев в штраф-изоляциятор...

И Юрий Дмитриев, и другие исследователи из общества «Мемориал» при публикации списка Сандармоха почему-то забыли расшифровать содержание 137-й статьи УК РСФСР. А ведь легко было уточнить, что это «всего лишь» умышленное убийство безотягчающих обстоятельств... Да, наверное, мы уже никогда не узнаем, кого конкретно лишил жизни Василий Петрович Зенин. Может, это был глубокий старик, может быть, он убил молодую девушку. Интересует ли нас личность его жертвы? Или тот факт, что уголовник-рецидивист Зенин стал «невинной жертвой сталинских репрессий», требует ее навсегда забыть? Интересно было бы услышать ответ мемориальцев на этот вопрос.

Василий Зенин в этом списке не один. **Семен Иванович Дементьев** был приговорен Коллегией ОГПУ 18.02.1931 по ст. 82, 136 УК РСФСР к 10 годам ИТЛ. Содержался в Соловецком лагере. Смотрим УК РСФСР

1926 года. Статья 82 нам уже известна, это «побег арестованного из-под стражи или места заключения». А вот 136-я статья:

«Умышленное убийство, совершенное: а) из корысти, ревности и других низменных побуждений, б) лицом, привлекавшимся ранее за умышленное убийство или телесное повреждение и отбывшим назначенную судом меру социальной защиты, в) способом, опасным для жизни многих людей или особо мучительным для убитого, г) с целью облегчить или скрыть другое тяжкое преступление, д) лицом, на обязанности которого лежала особая забота об убитом, или е) с использованием беспомощного положения убитого».

С точки зрения общества «Мемориал» Семен Иванович, безусловно, является жертвой репрессий тоталитарного режима. А с вашей точки зрения, уважаемые читатели, тоже дело обстоит именно так?

А вот более творческая личность, **Цейтлин Семен Семенович**: «С сентября 1932 г. в Воронеже художественный руководитель и главный режиссер Рабочего театра. В прошлом имел ряд судимостей по ст. 169-2, 116, 180, 162, 170 УК РСФСР, наказания не отбыл, скрывался в 1927 и 1931 гг. Арестован в Воронеже 28.10.1932. Приговорен 11.01.1933 нарсудом Ворошиловского р-на г. Воронежа по Закону от 7 августа 1932 г. к 10 годам лишения свободы. Срок отбывал в Дмитлаге, 17.11.1933 бежал, скрывался 6 месяцев, обнаружен в Медгоре...»

Уточняем статьи этого театрального деятеля:

Ст. 116. Присвоение или растрата должностным лицом денег, ценностей или иного имущества.

Ст. 169. Злоупотребление доверием или обман в це-

лях получения имущества или права на имущество или иных личных выгод (мошенничество).

Ст. 170. Подделка в корыстных целях официальных бумаг, документов и расписок...

Осипьян Карл Аркадьевич. Приговорен 08.06.1933 Коллегией ОГПУ по ст. 59-3, 77 УК РСФСР (самовольное присвоение себе звания или власти должностного лица, сопряженное с дискредитированием Советской власти или учинением на этом основании каких-либо общественно опасных действий) к расстрелу с заменой на 10 лет заключения в ИТЛ. Пояснение из списка «Мемориала» — «выдавал себя за сотрудника ОГПУ и совершал ограбления». Да, яркий был парнишка. Кстати, даже в ВЛКСМ состоял.

Впрочем, у большинства людей из этой категории все куда обыденнее. Например:

Толмазов Александр Васильевич. В прошлом судим трижды по ст. 162 (кража). Отбывал срок в Сибирских лагерях, находился в бегах, переведен на Соловки. **Спиридонов Павел Александрович**. В прошлом трижды судим по ст. 162.

Родионцев Василий Петрович. Ранее неоднократно судим по ст.ст. 162, 162 ч. 2, 168 УК. Приговорен 28.06.1936 к 5 годам ИТЛ («социально опасный элемент»). Тут кроме краж еще и ст. 168: «Присвоение, т. е. удержание с корыстной целью, чужого имущества или растрата этого имущества».

Морозов Дмитрий Матвеевич. В прошлом имел три судимости. Статьи за воровство и хулиганку.

Ростов Егор Алексеевич. Трижды судим, перед последним арестом без определенных занятий. Пригово-

рен к 5 годам высылки в Соликамский край. В 1931 г. совершил побег, задержан, снова бежал.

Кошкарёв Николай Павлович, в 1927 г. судим «за причастность к бандитизму».

Смирнов Владимир Леонидович, в прошлом судим четыре раза, бежал из мест заключения. Перед последним арестом без определенных занятий. Арестован 29.10.1933 в Москве, ранен при задержании...

Можно вспомнить, что в очень демократических, по представлению российских либералов, США в наше время в ряде штатов действуют так называемые законы трех ошибок (англ. Three strikes laws, также известны как «Законы трех преступлений»), на основании которых суды штатов должны приговаривать тех, кто совершил три преступления, к длительным срокам тюремного заключения. Такая судебная практика осуждения преступников-рецидивистов стала очень популярной в США с конца XX века.

Однако изучаем список Сандармоха дальше. Еще несколько показательных биографий. **Кузьмин Федор Кузьмич**: в 1930–1931 гг. редактор «Прикумской правды». В 1932 г. приговорен по обвинению в растрате (ст. 116 УК) к 3 годам ИТЛ, бежал из колонии. Арестован 05.12.1933 в Москве, обвинение: «организатор к/р террористической организации».

Конечно, вполне возможно, что этот человек, бежав из лагеря, просто сколотил шайку уголовников. А карательные органы решили, что им удобнее будет подвести его под политическую статью. Но где здесь хоть какой-то аргумент в пользу того, что Федор Кузьмич Кузьмин стал невинной жертвой политических репрессий?

Тот же самый вопрос касается судьбы **Солонина Владимира Александровича**, бывшего члена партии социалистов-революционеров. Арестован 10.07.1929. Приговорен 09.08.1929 Тагильским окружным судом по ст. ст. 109, 117 ч. 1 УК РСФСР к 4 годам лишения свободы со строгой изоляцией. Срок отбывал в Вишерлаге, служил старшим стрелком охраны. В июле 1931 г. привлечен к ответственности за «провоцирование побега двух женщин с целью убийства без предупреждения». Приговорен Коллегией ОГПУ 14.01.1932 по ст. 59-3 УК к расстрелу с заменой на 10 лет ИТЛ.

Статья 109 УК РСФСР 1926 года говорит о злоупотреблении властью или служебным положением, а статья 117 — это получение должностным лицом лично или через посредников в каком бы то ни было виде взятки. Последний же эпизод в комментариях вообще не нуждается.

А завершим наш сильно сокращенный список, в котором еще немало бандитов, воров и хулиганов, следующим замечательным персонажем.

Семашко Адам Яковлевич. Член РСДРП/ВКП(б) в 1907–1923 годах. Участник Гражданской войны, затем на дипломатической работе: первый секретарь полпредства в Риге, временный поверенный в делах СССР в Латвии. Отказался вернуться в Россию после ревизии в полпредстве, в 1924 г. эмигрировал в Бразилию. Вернулся в Россию в 1927 г., арестован, приговорен Коллегией ОГПУ по ст.ст. 58-10, 193-8 УК РСФСР к 10 годам. 28.12.1931 за побег приговорен Коллегией ОГПУ к 1 году штрафизолятора. 20.08.1932 совершил попытку побега, приговорен на 3 года штрафизолятора...

Надо понимать, что совершенно разные люди участвовали в революционной деятельности. Да, были и такие авантюристы, вдобавок склонные к самой банальной коррупции.

То, что всех этих людей подвели под политические статьи и расстреляли, с юридической точки зрения выглядит очень сомнительно, но можно ли назвать уголовников-рецидивистов невинными жертвами режима? Или Юрий Дмитриев, отсидевший в советское время по уголовной статье, счел их для себя социально близкими? Так или иначе, здесь мы опять видим очередной пример исторической фальсификации, осуществленной обществом «Мемориал».

В этой связи хочется напомнить, что в то время отнюдь не только в СССР осуществлялись подобные жестокие меры к уголовным преступникам. Цитата из мемуаров «красного графа» Алексея Игнатьева о демократической Франции в августе 1914 года:

«Вот и зеленые скаты Венсенского форта, в глубоких рвах которого были расстреляны еще несколько дней назад сотни профессиональных взломщиков, воров и хулиганов; полиция давно была с ними знакома и использовала осадное положение для очищения столицы от подобных элементов, особенно опасных в военное время».

В 1937 году, в ожидании войны, в нашей стране уголовников-рецидивистов тоже зачислили в опасный элемент, потенциальную «пятую колонну». В различных публикациях встречаются данные, что по «кулацкой операции», проводившейся по всему СССР, уголовников среди расстрелянных оказалось 15 процентов, у некото-

рых авторов заявляется и о 20 процентах. Хотя понятно, что о более-менее точном подсчете речь пока не идет. Но вот в сандармохском списке «Мемориала», в который занесены фамилии около 6 тысяч человек, процент уголовников как из первого соловецкого этапа, так и из заключенных Белбалтлага может достигать в сумме 25–30 процентов.

В массовых расстрелах кого бы то ни было нет ничего хорошего. Но если не касаться чисто моральных проблем случившегося, возникает одна историко-статистическая проблема. Считается, что за время так называемого Большого террора к смертной казни было приговорено более 600 тысяч человек, при этом не все они были расстреляны. Но если в это число входит значительное число уголовников, то, будучи объективными, мы не можем считать их жертвами именно политических репрессий. Вор, убийца, коррупционер, даже если для облегчения работы органов НКВД его осудили по политической статье, все равно останется вором, убийцей или коррупционером.

Следовательно, с точки зрения исторической правды статистика по числу жертв политических репрессий 1937–1938 годов должна быть скорректирована в сторону заметного ее уменьшения. Впрочем, это задача будущих историков, которые когда-нибудь смогут получить доступ ко всем документам той эпохи и произвести точные подсчеты.

Всякая власть от Бога?

Частью политических процессов в 20–30-е годы была жесткая политика правящей партии большевиков по отношению к Русской православной церкви. С объективной точки зрения приходится констатировать, что это было абсолютно закономерно — РПЦ, как идеологическая машина старого, царского режима, не признавшая новую власть и начавшая с ней открытую борьбу, вряд ли могла надеяться на лояльное к ней отношение. Ведь согласно христианской же доктрине — всякая власть от Бога...

Однако в современных описаниях этих событий очень много мифотворчества. Не могу не упомянуть показательный случай, как известный блогер Илья Варламов в ролике о путешествии по Карелии заодно рассказал своим зрителям о том, как в 1920 году красноармейцы ликвидировали Соловецкий монастырь, а его настоятеля сожгли заживо. Понятно, что озвученная им информация стала частью представлений об истории нашей страны огромной массы людей. Но ведь блогер Варламов соврал!

Даже в современных церковных источниках рассказывается, что последний архимандрит Соловецкого монастыря Вениамин стал жертвой обычного уголовного преступления. И не в 1920 году, а в 1927-м. Живший в келье в глухом лесу на территории нынешней Архангельской области, он был убит там двумя местными жителями Ярыгиным и Ивановым с целью грабежа. Чтобы скрыть следы преступления, грабители, забрав имущество, сожгли избушку. На суде Иванов, являвшийся ком-

сомольцем, пытался оправдать злодеяние «контрреволюционностью» монахов. Но советский суд приговорил Иванова и Ярыгина к 10 и 8 годам заключения. То есть истинная история смерти последнего соловецкого настоятеля оказывается диаметрально противоположной той, какой ее описал топовый столичный блогер!

Но коснемся реально репрессированных деятелей Русской православной церкви. Одним из ее ярких представителей, оказавшимся в списке Сандармоха, является **Анатолий Жураковский**. Этот киевский священник был очень популярен у местной интеллигенции и студенчества. Он действительно был ярким проповедником, храмы во время его службы были переполнены. Обратной стороной его популярности было то, что уже с начала 20-х годов он много раз привлекался властями за антисоветскую пропаганду. Однако Анатолий Жураковский был нестигаем.

В 1927 году была опубликована официальная Декларация патриаршего местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского), будущего Патриарха, которая была попыткой примирения церкви с Советской властью. Целью этого документа было «поставить нашу Русскую православную церковь в правильные отношения к Советскому правительству и тем дать Церкви возможность вполне законного и мирного существования». Говоря о людях, настроенных политически оппозиционно, митрополит предлагает им «оставить свои политические симпатии дома, приносить в Церковь только веру и работать с нами только во имя веры». Церковный иерарх увещевал: «Мы должны сознавать Советский Союз нашей гражданской родиной, радости и успехи

которой — наши радости, а бойкот какой-нибудь, общественное бедствие или просто убийство из-за угла со знается нами как удар, направленный в нас».

Однако Анатолий Жураковский был радикалом и даже фанатиком во всем, что касалось веры, и не принял произносимой от лица РПЦ декларации о лояльности к Советской власти. Он стал на сторону «непоминающих», то есть отказавшихся поминать на богослужении митрополита Сергия, и обвинял церковные власти в клятвопреступлении.

Конечно, упорство и негибкость священника Жураковского можно даже уважать. Но совершенно ясно, что в то время как наша страна ликвидировала неграмотность, создавала настоящий культ науки и просвещения, такие религиозные фанатики представляли определенную опасность для нового общества. Из обвинительного заключения:

«Будучи активным участником к/р организации «Истинно Православная Церковь», связался в ее интересах с заграничными белогвардейскими кругами, которые информировал о положении в СССР. Используя свои связи с белой эмиграцией, пытался вызвать усиление а/с кампании в 1930 г., направив за границу заведомо ложные материалы о положении церкви в СССР. Пытался согласовать к/р деятельность организации «Истинно Православная Церковь» с белоэмигрантскими церковниками. Руководил к/р деятельностью ячейки организации в городе Киеве. Участвовал в совещаниях активистов организации на Украине».

Священника Жураковского ждала печальная судьба. Такая же, как священника «Истинно Православной

Церкви» Федора Белявского или владыку Аввакума (в миру Боровкова Григория Антоновича), одного из основателей катакомбного движения «истинно православных» христиан в России.

Ситуация с этими людьми нам, живущим в XXI веке, будет более понятна, если мы вспомним, как в прошлом году РПЦ потряс скандал с отцом Сергием Романовым, который начал выступать как против нынешнего патриарха, так и против некоторых действий власти, связанных борьбой с коронавирусной пандемией. В результате против него возбуждено уголовное дело, он был арестован, а на территорию созданного им монастыря даже вводили ОМОН.

Будучи современниками Сергия Романова, большинство из нас хорошо понимают, что применение к подобным людям ряда статей современного Уголовного кодекса является вполне оправданной и закономерной реакцией власти, как бы к ней ни относиться. Но почему-то Андрей Жураковский для многих — «невинная жертва кровавого режима», пострадавший исключительно за свою веру...

Отметим, что общим во взглядах радикальной части «истинно православных» групп было стремление как можно меньше контактировать с советским обществом и государством. В связи с этим некоторые «истинно православные» отказывались брать советские паспорта, официально устраиваться на работу, отдавать детей в школу, служить в армии, прикасаться к деньгам, разговаривать с официальными лицами. Закончилось это тем, что во время Великой Отечественной войны многие непримиримо настроенные к Московской Патриар-

хии катакомбники сотрудничали с фашистами, а затем бежали на Запад вместе с немецкими войсками. Таков был закономерный конец эволюции в их взглядах.

Завершая тему борьбы Советской власти с РПЦ, нужно обратить внимание на еще одно обстоятельство. Подавляющая часть граждан России сейчас искренне гордится тем, что наша страна была пионером в космосе, что первым космонавтом стал сын простого плотника и колхозницы Юрий Гагарин. В то же время многие из них так же искренне осуждают большевиков за закрытие храмов и антирелигиозную политику. Не понимая того, что две эти вещи взаимосвязаны. В те годы в нашей стране невозможно было развивать ускоренными темпами науку и технику, готовить большое количество ученых и инженеров, не борясь одновременно со средневековым мракобесием и религиозными предрассудками огромной массы населения. Или Сергии Романовы — или Юрии Гагарины. Выбирайте сами.

Жертвы «крестового похода против СССР»

В Сандармохе была расстреляна и группа католических священников, проходивших в начале 30-х годов по так называемому «групповому делу католиков». Из списка Сандармоха:

Иосиф Антонович Ковальский, в 1928 году в Ленинграде тайно посвящен епископом Антонием Малецким в сан римско-католического священника.

Алоизий Николаевич Каппес, выезжал за границу: сначала в Германию, где работал в благотворительных организациях и был корреспондентом газеты

«Clemens Blatt» в Берлине; затем — в Аргентину, для сбора денег. По возвращении в СССР с 1928 г. служил священником прихода в г. Камышине в Поволжье. В январе 1930 г. перешел на нелегальное положение. **Иосиф Андреевич Пауль**, перед арестом перешел на нелегальное положение, скрывался.

Юревич Болеслав Казимирович, в 1924 г. был судим за взяточничество. Окончил подпольную духовную семинарию в Петрограде. В апреле 1926 г. тайно рукоположен в сан. Арестован в 1929 году, обвинялся в организации на своей квартире «подпольных собраний католиков».

Этот далеко не полный список сам по себе опровергает представление о том, что все эти люди оказались на Соловках по надуманным обвинениям. На самом деле они занимались нелегальной деятельностью, сознательно нарушали действующие советские законы. А всплеск репрессий против католического духовенства был спровоцирован несколькими обстоятельствами. Еще в 1926 г. посланец папы Пия XI епископ Мишель д'Эрбиньи тайно назначает епископов в СССР, организуются тайные кружки. Очевидно, что подобная подпольная деятельность Ватикана не могла остаться незамеченной государством. Дальнейшие действия папского престола носили еще более враждебный СССР характер. В 1930 году папа римский Пий XI объявил крестовый поход против СССР, в 1933-м подписал конкордат с гитлеровской Германией; в 1937-м издал энциклику против коммунизма.

Какова еще должна быть реакция власти на враждебную подпольную деятельность католической церкви, к тому же при наличии руководящего центра за грани-

цей? Ее представителей воспринимали, выражаясь современным языком, как иностранных агентов. Тем более что за последние тысячу лет Ватикан трудно было заподозрить в дружеских чувствах к нашей стране.

Можно и нужно осудить телеграмму Ежова от 1937 года, которой все эти люди автоматически были приговорены к высшей мере наказания. Но попали они все на Соловки по вполне объективным на тот момент основаниям, за реальные нарушения закона.

Стоит вспомнить, что на другом конце земного шара в это время разворачивались примерно такие же события. В конце 20-х годов в Мексике разразился кровавый конфликт между светским правительством, проводившим прогрессивные реформы, и католической церковью, желавшей сохранить свои привилегии и влияние на народные массы. С массовыми репрессиями против верующих и расстрелами десятков священников. Однако тогдашнее правительство Мексики почему-то не обвиняют в запредельной жестокости и беспределе...

Кто вы, ксендз Карпинский?

Отдельно хотел бы рассмотреть биографию расстрелянного в Сандармохе Иосифа Карпинского. В прошлом году в группе «Дело Дмитриева» было размещено его подробное жизнеописание. Замечательный текст, на примере которого хорошо разбирать конструирование мемориального мифа. Итак:

«Будущий отец Иосиф родился в 1888 году в деревне Сторожребы Плоцкой губернии, сейчас это территория Польши, а тогда — Российской империи. Именно поль-

ское происхождение и сыграло в дальнейшем решающую роль в его аресте в 1929 году».

Последняя фраза уже вызывает недоумение. Ведь в 1929 году, во время ареста Карпинского, ОГПУ возглавлял Вячеслав Рудольфович Менжинский, мало того, что сам поляк, да еще и дворянин. Что же товарищ Менжинский в таком случае не самоарестовался и не саморепрессировался?

«Иосиф Станиславович окончил Житомирскую духовную семинарию, с 1914 года он был викарием и законоучителем в Староконстантинове... В конце 1918 года крайне обострились советско-польские отношения. Польша к тому моменту вновь обрела свою независимость, в стране кипели споры о планах расширения территории на восток, о возвращении частей украинских, белорусских и прибалтийских земель. Образовался советско-польский фронт».

Еще более замечательные формулировки. Это кто же обострил советско-польские отношения? Они сами «обострились»? А фраза о возвращении Польше «частей украинских, белорусских и прибалтийских земель» восхитительна в своем абсурде. Как будто не было польской оккупации всех этих территорий, сопровождавшейся все теми же репрессиями по политическому и национальному принципу. Вот так мемориальцы пытаются тщательно замазать картину реальной истории, лишь бы представить Советскую Россию неким исчадием ада, а агрессивное польское государство — невинной овечкой.

«Отец Иосиф Карпинский в 1920 году стал администратором прихода в селе Бутовец. Но прослужил он там

недолго — в том же году с отступающей польской армией, вместе с другими представителями польского духовенства, он ушел в Польшу».

Ни для кого не секрет, что польская армия массово убивала на нашей территории сторонников Советской власти и замучила десятки тысяч пленных красноармейцев, хотя слово «Тухоль», в отличие от «Катынь», российские либералы запомнить никак не могут. Возникает вопрос к биографам будущей жертвы Сандармоха — почему он ушел с отступающей польской армией? Потому что сотрудничал с оккупантами, не так ли?

Далее наш герой связался с епископом Игнатием, который отправил священника Иосифа Карпинского в конце 1920 года обратно в Староконстантинов. Епископ Игнатий — примечательный персонаж, закончивший свою карьеру в Риме архиепископом и советником папской комиссии «Pro Russia». Которая, по мнению авторов ряда православных сайтов, является сборищем экуменистов, мечтающих поработить Святую Русь. Но эти темы мы рассматривать не будем, есть более приземленные вопросы. Как у Ильфа и Петрова, помните: «Вы через какую границу? Польскую? Финляндскую? Румынскую? Должно быть, дорогое удовольствие». Понятно, что отец Иосиф шел через польскую. И без содействия польских пограничников и второго отдела польского Генштаба, так называемой «Двуйки», это произойти не могло. А «Двуйка» активнейшим образом работала против СССР, в том числе формировала разведывательные сети для мирного и военного времени.

«Помимо священнического служения, он вел работу с молодежью, создавал религиозные кружки... Свя-

щенник Иосиф Карпинский был арестован 26 октября 1929 года, ему было предъявлено обвинение: «Начиная с 1921 года до дня своего ареста проводил среди поляков, жителей своего прихода, ярую антисоветскую агитацию, направленную на противодействие всем проводимым мероприятиям Соввласти. Для проведения своей контрреволюционной деятельности Карпинский использовал проповеди, где говорил о падении духа польского патриотизма, призывал не пускать детей в советские школы и комсомол, не идти в коллективы и т. п., угрожая непослушным анафемой... В результате проводимой ксендзом контрреволюционной работы из сел его прихода много польской молодежи при его содействии нелегально ушло в Польшу».

Итак, приходится констатировать, что Иосиф Карпинский был реальным врагом (вдобавок к тому — религиозным мракобесом) и действительно вел подрывную работу в интересах иностранного государства, на тот момент агрессивного по отношению к СССР. Его деятельность была сознательным нарушением действующих законов страны, в которой он жил, и эта деятельность, особенно в случае войны, привела бы к человеческим жертвам с нашей стороны.

Именно за это Иосиф Карпинский был абсолютно обоснованно приговорен 12 мая 1930 года к 10 годам ИТЛ. Никакой «невинной жертвой» польский агент Иосиф Карпинский не является, более того, он, скорее всего, сам, как идейный враг Советской России, обиделся бы на такое определение.

«Переходил границу и принял мусульманство»

В начале 90-х, когда под прикрытием процесса «разоблачения» сталинской эпохи новая «элита» рвалась к власти и разделу общенародной собственности, в общественное сознание настойчиво вбивалась мысль, что все уголовные дела по шпионажу в 30-е годы были сфальсифицированы. Абсолютно все. То есть по какой-то загадочной причине все остальные великие державы и другие соседние государства решили относиться к нашей стране исключительно по-добрососедски и отказались от любой разведывательной, а тем более подрывной деятельности...

На самом деле, конечно, были и агенты иностранных разведок, были шпионы и даже диверсанты были. И органы ЧК, затем ОГПУ и НКВД с ними вполне успешно боролись. Что признают и зарубежные источники. В списке Сандармоха можно найти подобные примеры. Например:

Пух-Гринчук Григорий Прокофьевич, работал в МТС г. Ашхабада. Неоднократно переходил границу из СССР в Афганистан. Принял мусульманство, с 1927 г. проживал в Персии. Арестован в Ташкенте 20.09.1931, обвинение: «принимал участие в восстании в Туркестане».

Мишунин Борис Алексеевич, Керченским судом приговорен к 10 годам заключения. В мае 1933 г. совершил побег, нелегально проживал в Москве. Переходил границу в Польшу и обратно в СССР. Перед арестом без определенных занятий и места жительства.

Спрогис Жан Фрицевич. Арестован 25.06.1931 в г. Орле;

обвинялся в «причастности к латвийским разведорганам». Приговорен 26.05.1932 Коллегией ОГПУ по ст. 58-6 УК РСФСР к расстрелу с заменой на 10 лет ИТЛ. Направлен в Белбалтлаг. 26.09.1932 совершил побег.

Если эти люди не работали на зарубежные спецслужбы, то как иначе можно объяснить их поступки? Хотя для полной уверенности хорошо было бы подробно проанализировать как их уголовные дела, так и документы польской и латвийской спецслужб.

Конечно, в списке «Мемориала» упоминается, что в начале 90-х годов эти люди были реабилитированы. Но тогда этот процесс носил политический характер, без разбора всех обстоятельств конкретных уголовных дел. И тогда уже случались разные курьезные случаи. Например, в 90-е годы в нашей республике был реабилитирован настоящий довоенный финский шпион Иван Романов, который уже в годы Великой Отечественной войны был начальником концлагеря на территории оккупированной Карелии...

«И татары тебя ослабляли, и русские с грязью смешивали...»

В списке Сандармоха есть группа людей, связанных с известным национал-коммунистическим деятелем Султан-Галиевым, который сначала действовал внутри ВКП(б), но вскоре был исключен из партии. При этом ему предъявили вполне обоснованные и доказанные претензии, что внутри Советской России он создавал нелегальные националистические структуры и пытался связаться с басмачами. В дальнейшем Султан-Галиев

пришел к выводу, что отныне врагом мусульманских народов должна быть не только буржуазия империалистических стран, но и «индустриальное общество» как таковое, включая СССР, а идеалом — некая «республика Туран». Его сторонники были арестованы по делу «Казанской Султан-Галиевской контрреволюционной националистической организации».

В 90-х годах в ряде публикаций утверждалось, что, как показало изучение следственных материалов, такой организации в действительности не существовало. Однако в ряде современных источников «султангалиевщина» прямо называется теоретическим оружием всех форм мусульманского сопротивления московскому централизму, для которого русская коммунистическая партия была «штаб-квартирой русского империализма». Признается, что сторонники опального Султан-Галиева создали сеть подпольных кружков, в которых были как националисты, так и члены правящей партии, придерживавшиеся правого толка. Последние, не принимая прямого участия в конспиративной работе, помогали подполью.

Собственно говоря, история уничтожения СССР и поведение во время перестройки части партийной номенклатуры в национальных республиках доказывает, что ничего необычного в таком развитии ситуации нет.

Среди расстрелянных в Сандармохе «султан-галиевцев» поэт и общественный деятель **Сюнчелей Саид ибн Хамидулл**. В 1919–1927 годах занимал довольно высокие посты. В 1926-м исключен из партии, арестован в 1927 году, обвинялся в связи с «лидером татарской буржуазной эмиграции З. Валиди».

Хафизов Сафа Хафиз оглы. Журналист издательства «Татнаркозема», являлся членом подпольной организации татарской молодежи. В 1928 г. пытался бежать из СССР через турецкую границу, арестован. **Исмаил Керимович Фирдевс**. Бывший кадет, ставший в 1917 году членом партии большевиков. Секретарь ЦК Республики Таврида, затем нарком по иностранным и национальным делам. В 1922–1925 гг. народный комиссар и Верховный прокурор Крымской республики. В 1924 г. он был обвинен в социал-национализме, в заговоре против советской власти и освобожден от всех должностей.

Как и в случае с украинскими националистами, здесь можно говорить о реально существовавшем националистическом подполье, представлявшем в многонациональной стране вполне реальную опасность.

Трагична, но показательна и судьба **Кузубая Герда** (настоящее имя — **Кузьма Чайников**). Это был талантливый удмуртский поэт, переводчик, национальный и общественный деятель. Будучи националистом по своим убеждениям, в революцию он поддержал большевиков, но к началу 30-х годов сильно с ними разошелся. В январе 1930 года на 1-й конференции Всеудмуртской ассоциации революционных писателей творчество Герда было отнесено к «буржуазно-националистическому».

Как сообщают его биографы, Кузубай Герд был арестован в 1932 году по обвинению в руководстве контрреволюционной организацией, деятельность которой якобы была направлена на отторжение Удмуртской АО и других автономий от СССР и создание «Единой финно-

угорской федерации под протекторатом Финляндии». Обвинен в связях с эстонскими и финскими дипломатами. Герд свою вину признал.

Да, есть ощущение, что обвинения в отношении него были несколько преувеличены. Но читая современных биографов удмуртского писателя, надо признать, что все-таки обвинения имели под собой вполне объективную основу. Кузедуб Герд был сильно недоволен «неправильным», по его мнению, национально-государственным строительством, выступал за расширение территории Удмуртской республики за счет территории соседних областей и республик. При этом он был не только за автономию, но выступал за право на полное отделение от России, мечтал о создании «Биармийского государства». Свои взгляды он высказывал в разговорах и печати.

Конечно, до поры до времени вся эта националистическая агитация непосредственно не угрожала основам государства. Но с другой стороны, мы хорошо помним историю сознательного разрушения Советского Союза. Начиналось все именно с выступлений национальной интеллигенции, с перечисления каких-то исторических обид, с желания «поправить» национальные границы. Как это случилось с Нагорным Карабахом.

Идеи «Великого Турана» и «Великой Биармии» ведь и друг для друга конкурирующие. У Кузедуба Герда в одной из его поэм, где совершается экскурс в историю удмуртского народа, есть такие строки:

«И татары тебя ослабляли, и русские с грязью смешивали...». Теперь мы знаем, что такие «безобидные»

слова часто заканчиваются столкновениями, резней и кучей трупов. Причем представителей как «враждебного» народа, так и своего же собственного.

Опять приходится повторить, что последующий расстрел удмуртского поэта был вопиющей несправедливостью. Совершенно правильно, что впоследствии Кузедуб Герд был реабилитирован. Но его судьба ставит вопрос об ответственности таких деятелей за свои слова и свои идеи...

Туркменский поэт в турецком мундире

Весьма полезной для исследования списка Сандармоха оказалась опубликованная в «Ученых записках Петрозаводского государственного университета» статья члена Академии наук Туркменистана Мурадгелди Соегова «Сыны Туркменистана в Сандармохе». Речь в ней идет, в частности, о Оразмаммеде Вепаеве (в другой транскрипции — Вафаеве), которого автор представляет как выдающегося представителя местной интеллигенции.

Туркмен Оразмаммед Вепаев родился в 1885 году. После завершения учебы в медресе города Бухары его в составе группы бухарской молодежи отправили в Турцию для продолжения обучения. Где он сначала окончил военное училище, потом обучался в Стамбульском университете. Но тут началась Первая мировая война. В штабе войск турецкого генерала Нури Паша, захватившего в 1918 году Баку, Вепаев прибыл в Азербайджан, а оттуда на корабле через Каспийское море, как пишет академик Соегов, «вернулся в Туркменистан в униформе турецкого офицера».

Неужели у уважаемого академика не возник вопрос о том, почему данный представитель местной интеллигенции вернулся на родину в форме офицера чужой армии? Если кто-то вернется в современный Туркменистан в форме российского, китайского или иранского офицера — будет ли это воспринято как должное или у соответствующих органов к такому человеку возникнут вполне обоснованные вопросы? Ведь есть все основания полагать, что в то время гражданин Вепаяев был турецким агентом.

Далее академик Соегов сообщает, что «нет точных данных о деятельности О. Вепаяева в период Гражданской войны 1918–1920 годов, но можно с уверенностью предположить, что он находился на стороне красных». Трудно сказать, на чем основывается эта уверенность, ведь фактов-то не приводится никаких. Но после гражданской войны у большевиков в Туркмении были серьезные проблемы с грамотными кадрами, поэтому бывший турецкий офицер мог пойти к ним. Только один вопрос — с какой целью? Затем в биографии этого человека новый поворот:

«О. Вепаяев в конце декабря 1930 года эмигрировал в соседний Иран к туркменам этой страны. Через два года агенты ОГПУ обманным путем вернули его в Туркменистан и сразу же взяли под стражу».

Опять возникают вопросы — почему Вепаяев сбежал за границу? В своей статье академик Соегов забыл обрисовать тогдашнюю обстановку в Туркмении. А она была крайне сложной и характеризовалась постоянными набегами банд басмачей на советскую территорию. В первой половине 1931 года бандиты во главе с Джунаид-ханом

вторгаются на территорию Туркменской ССР. К концу июня на территории Туркмении действуют 14 отрядов общей численностью более 2 000 басмачей. 24 июня 1931 г. 400 басмачей внезапно нападают на город Куня-Ургенч. Больница, мельница, почта и ряд других зданий сожжены, ряд советских работников, в том числе научные сотрудники исследовательской экспедиции, убиты...

Вряд ли Вепаяев мог в такой обстановке сбежать за границу без связи с басмачами. То есть, выражаясь современным языком, с незаконными вооруженными формированиями. Но далее агенты ОГПУ выманили его на нашу территорию. Возникает вопрос — зачем чекистам понадобилось проводить целую спецоперацию против якобы безобидного интеллигента, да еще в столь сложное для них время?

Оразмаммед Вепаяев был обвинен в связи с лидером туркестанской эмиграции М. Чокаевым (впоследствии сотрудничавшим с немецкими нацистами) и подготовке восстания в Туркестане. 10 мая 1933 года он был приговорен Коллегией ОГПУ 10.05.1933 по ст.ст. 58-2, 4, 11 УК РСФСР к 10 годам ИТЛ и отправлен на Соловки.

Что касается литературного творчества нашего героя, то академик Соегов цитирует статью из тогдашней советской туркменской прессы: «Одним из ярких примеров «проявления» классового врага на культурном фронте, в частности в литературе, служит некий «туркменский» поэт Вафаев, имя которого известно туркменским трудящимся как имя заядлого националиста. В журнале «Токмак» № 21 за 1925 год напечатано стихотворение Вафаева под заголовком: «Забавляющимся орфографией». Вот выдержки из него:

В ком сохранился тюркский дух —
 придите, подымите нас.
 Исправив нашу орфографию,
 направьте нас против врага.
 Но, помогая, «кто во что»,
 язык творящих насмешите.
 Разбить его хотите?... Лучше
 скорей садитесь в поезда...

Далее в заметке совершенно правильно констатируется, что Вафаев есть идеолог пантюркизма и яркий националист. Конечно, трудно уловить все оттенки поэтической мысли, но фраза «Лучше скорей садитесь в поезда» — это разве не старый добрый лозунг «Чемодан — вокзал — Россия»? Хорошо известный по трагическим событиям недавнего времени.

В завершение своей статьи туркменский академик заявляет: «Лучшие и преданные сыны народов стали безвинными жертвами советской системы. Одним из них и стал Оразмаммед Вепаев». Кажется, запутавшись еще в перестроечных штампах, академик Соегов сам так и не понял, что из всех перечисленных им фактов о гражданине Вепаеве выходит, что «лучший сын родины» был турецким агентом, пособником бандитов и ярым националистом.

Остается коротко рассмотреть вопрос, что советская система, избавившись от таких «лучших сынов», сотворила с туркменами. А они впервые в своей истории получили государственность и единую территорию под управлением национальных кадров. Если в дореволю-

ционном Туркменистане грамотными были лишь 7 человек на тысячу, то «кروавые» большевики неграмотность ликвидировали. Улучшили положение женщин, развили экономику и культуру, построили множество самых разных объектов в прежде отсталой окраине империи. В Великую Отечественную 18 туркмен стали Героями Советского Союза. Но чтобы все это произошло, нужно было искоренить басмачество и националистическое подполье. Такова правда о печальной судьбе гражданина Оразмаммеда Вепаева.

Эсеры, анархисты, троцкисты...

Со времен Великой Французской революции хорошо известно, что после первых побед различные революционные партии часто вступают в бескомпромиссную борьбу за власть уже друг с другом. И причины этого отнюдь не субъективные. Это не амбиции отдельных вождей, не случайные недоразумения, а отражение борьбы разных социальных групп и классов за свои особенные интересы в развернувшемся революционном процессе.

История партии социалистов-революционеров, которая после 1917 года организовывала контрреволюционные мятежи и активно сотрудничала с иностранными разведками, лишь подтверждает эту закономерность. То же самое можно сказать и о тогдашних анархистах, то являвшихся союзниками большевиков, то доставлявших немало хлопот новой власти.

В списке Сандармоха — секретарь Калужской эсеровской организации **Василий Яковлевич Греченков**. Первый раз он арестовывался в 1919 г. в Москве по делу взры-

ва в Леонтьевском переулке. Вторично арестовывался при приезде на съезд партии левых эсеров. Проживал в Москве «нелегально по чужой фамилии по купленному паспорту».

Ананий Семенович Семенов, во время Гражданской войны и в начале 1920-х участвовал в деятельности анархо-синдикалистов Конфедерации анархистов Украины «Набат», неоднократно арестовывался. Вышел из ВКП(б) в 1921 г. «ввиду несогласия с генеральной линией партии». Срок отбывал в Белбалтлаге, в 1936 году совершил побег, но был задержан.

Соломон Яковлевич Вейцман, рабочий (металлист-гравер), анархист. Приговорен в 1930 г. по обвинению в «анархистской деятельности» к 3 годам ссылки в Среднюю Азию, бежал из ссылки в 1931 г., проживал «по фиктивным документам». Арестован в 1934 г. в Москве. Приговорен к 5 годам ИТЛ за «побег из места заключения и незаконное хранение оружия».

Николай Георгиевич Владимирский, входил в подпольные анархические группы в Саратове и Ленинграде. Перед первым арестом жил в Саратове, рабочий лесопильного завода. Арестован 11.01.1927, обвинялся в «распространении анархической литературы, проведении анархической агитации».

Надо признать, что в 1937–1938 годах бывшие эсеры и анархисты могли пострадать и просто за принадлежность к своим партиям в прошлые годы. Но по спискам заключенных Соловецкой тюрьмы видно, что было и реальное, действующее подполье, с которым власть, естественно, боролась. Многим эсерам и анархистам их убеждения и революционный темперамент не позволя-

ли смириться с существующей реальностью. Действительно, идейным анархистам жить в сталинском СССР было, наверное, очень неуютно и скучно.

Порой судьбы этих людей, представителей революционной эпохи, крайне извилисты и никак не влезают в существующие обывательские шаблоны. Например, **Яков Соломонович Дворжец** в 1918 году был ярким врагом большевиков, управляющим делами Комитета Учредительного собрания в эсеровском правительстве Самары. После колчаковского переворота был мобилизован в ряды белой армии, но скрылся и неожиданно перешел на службу к своим бывшим противникам. В 1919–1924 гг. в Красной армии. Он даже вступил в партию недавних противников и был членом РКП(б) в эти годы. Выполнял особые поручения при начальнике ПУР РККА, работал с Антоновым-Овсеенко и Троцким. На процессе эсеров 1922 года выступал свидетелем обвинения. В 1924 исключен из партии и арестован по обвинению в службе в Белой армии. Приговорен к ссылке на 3 года. Работал директором колонии, с 1932 г. — директор коммуны им. Дзержинского в Москве, затем — директор Института трудового воспитания. В 1935 году уволен «за левацко-троцкистские извращения в области педагогики» и арестован. Человек своего времени, сам пытавшийся творить историю.

И, конечно, в первом соловецком этапе много представителей бывшей внутрипартийной оппозиции, прежде всего троцкистов, но не только. Перечислю лишь некоторых:

Владимир Потапович Демидов был членом РСДРП(б)/РКП(б) в 1907–1923 гг. В Гражданскую войну — комдив

на Восточном фронте. В 1921 г. — сторонник рабочей оппозиции. В 1923-м исключен из РКП(б). После ареста в сентябре 1923 г. по делу «Рабочей группы» («мясниковцы») высылался на Соловецкие острова. После «признания ошибок» освобожден и восстановлен в партии. Арестовывался в 1928 г. как «руководитель контрреволюционной подпольной группы рабочей оппозиции на заводе „Мастяжарт“».

Гарбер Хаим Исофович известен тем, что был одним из тех, кто стоял у истоков создания комсомола. На III съезде ВЛКСМ в полемике с главным комсомольцем Лазарем Шацким ратовал за создание некой автономной «молодежной партии». В дальнейшем занимался наукой.

Захар Борисович Моглин был первым мужем дочери Троцкого Зинаиды. Еще в 1923 г. приговорен по делу группы «Рабочая правда» к высылке на 3 года и исключен из партии. В марте 1934 г. нарсудом Курска приговорен по ст. 111 УК РСФСР к 3 годам лишения свободы. Однако если заглянуть в Уголовный кодекс РСФСР, то окажется, что 111 статья — не политическая. Она говорит о бездействии власти, т.е. невыполнении должностным лицом действий, которые оно по обязанности своей службы должно было выполнить, и про халатное отношение к службе, «повлекшее за собой волокиту, медленность в производстве дел и отчетности и иные упущения по службе».

Как булгаковский барон Майгель оказался в Сандармохе

В списке Сандармоха значится литературовед **Михаил Гаврилович Майзель**. Об этом человеке ряд современных литературоведов сообщают, что он был одним из прототипов барона Майгеля из «Мастера и Маргариты» Михаила Булгакова. Помните? «Я счастлив рекомендовать вам, — обратился Воланд к гостям, — почтеннейшего барона Майгеля, служащего зрелищной комиссии в должности ознакомителя иностранцев с достопримечательностями столицы». Все помнят, что кончил этот персонаж плохо.

Родившийся в Витебске литературовед и журналист Михаил Майзель начал свой творческий путь еще в годы Гражданской войны. Хотя членом партии не был, даже кандидатом в члены ВКП(б) он стал лишь с 1932 года. Трудно сказать, это был убежденный и бескорыстный сторонник Советской власти или расчетливый карьерист. Среди людей его круга было много и тех и других. Но Булгакову он крови попил, написав целый ряд критических статей, где обвинял писателя в «апологии чистой белогвардейщины» и прочих прегрешениях против Советской власти. Как считается, добрейший и интеллигентнейший Михаил Афанасьевич в долгу не остался, изобразив Майзеля, как и иных своих врагов, в «Мастере и Маргарите». И не только изобразил, так еще и «убил».

Что в реальности послужило причиной ареста Михаила Майзеля — сказать без подробного изучения его дела невозможно. Но произошло это еще в 1936 году. Стоит за обвинением в участии в «троцкистско-зиновьевской ор-

ганизации» лишь интеллигентская и понятная с точки зрения людей его круга фронда против изменившейся в середине 30-х годов политики государства? Или было реальное участие в неких организационных структурах? Так или иначе, Михаил Майзель был отправлен на Соловки, а в 1937 году попал в первый соловецкий этап.

Надо заметить, что печальная и трагическая судьба Михаила Гавриловича Майзеля опровергает примитивную картинку, нарисованную в огромном количестве публикаций. Мол, жила-была в нашей стране замечательная творческая интеллигенция, мечтавшая исключительно о свободе и самовыражении. А потом на нее сверху свалились злобные чекисты, науськиваемые Иосифом Сталиным, и начали всех подряд сажать и расстреливать. Не так все было! Эта среда творческой интеллигенции, сформировавшаяся еще в условиях Гражданской войны, сама порождала импульсы и призывы к уничтожению своих конкурентов. И весьма активно поддерживала политические репрессии.

Правда, кто-то может возразить, что к этому ее поуждали окружающие условия, созданные властью. Но так ли это на самом деле? Все мы помним, как совсем недавно, в 1993 году, масса представителей этой самой либеральной творческой интеллигенции добровольно и с энтузиазмом призывала ельцинскую власть к расправе над политическими оппонентами и аплодировала расстрелу в прямом эфире законного парламента и его защитников.

Да и сейчас эта категория людей, любящая рассуждать о некоей свободе слова, не склонна проявлять хоть какое-то уважение к иному мнению. Как наглядно

показывает обсуждение «дела Дмитриева», ей присуща ненависть и злоба к своим идейным и политическим оппонентам, мечты о будущих репрессиях и любовь к словам типа «люстрация» и «декоммунизация». В общем, мы имеем дело с интересным психологическим явлением, никак не связанным исключительно со сталинской эпохой.

Трагедия Анастасии Бакаевой

Просматривая список Сандармоха, находишь в нем очень разных людей. Там хватает белогвардейских карателей, петлюровских упырей, бандитов, коррупционеров... Но попадаются и примеры поистине трагических судеб. Несколько лет назад в российских СМИ прошла информация:

«Члены партии ПАРНАС и участники общественного проекта «Декоммунизация» провели акцию про-

тив фальсификации истории... Они развернули плакат с портретом Анастасии Бакаевой. В 24 года ее арестовали, спустя несколько месяцев отправили первым соловецким этапом и расстреляли вместе с семьей в 1936 году в Сандармохе. Заместитель председателя ПАРНАС Андрей Зубов заявил, что власти лишили свободы историка Юрия Дмитриева, открывшего это место расстрелов...».

Действительно, Бакаева Анастасия Ивановна была расстреляна в Сандармохе 4 ноября 1937 года. Ее фото часто используют, в том числе в Интернете, для осуждения «коммунистического террора» и деятельности «наследников чекистов». И никому даже в голову не приходит уточнить биографию этого человека! А ведь Анастасия Бакаева — дочь председателя Петроградской ГубЧК в 1919–1920 годах, затем представителя ВЧК в Юго-Восточном крае Ивана Бакаева. Большевика и участника левой оппозиции.

И когда одиозный профессор Зубов, известный своим высказыванием о том, что «Гитлер — это ангел русской истории», или потешные фрики из движения «Декоммунизация» начинают использовать судьбу семьи убежденного коммуниста, видного члена РСДРП(б) и руководителя ЧК в своей убогой пропаганде — выглядит это не просто странно и цинично. Это какая-то чудовищная фантасмагория.

Деятельность внутрипартийной оппозиции в 30-е годы — тема малоизученная. Понятно, что была и просто борьба за власть, и личные амбиции, подкрепленные старыми обидами. Понятно, что многие изменения во внутренней политике СССР с начала 30-х годов, кото-

рые троцкисты называют Термидором, а «патриоты» — возвращением к национальным ценностям, вызывали у части старых партийцев неприятие и протест. Хотя, конечно, ни о каком «термидоре» или отказе от социализма речь не шла. Был закономерный процесс развития нового общества, когда, с одной стороны, отказывались от некоторых послереволюционных «загибов», а с другой — старались для устойчивости опираться на определенные исторические традиции. Курс на индустриализацию и связанную с ней коллективизацию был объективно необходим для выживания и укрепления нового государства, даже несмотря на все издержки, связанные с темпами его проведения. И как сейчас многим из нас понятно, в целом альтернативы данному процессу в той исторической реальности попросту не было. Ни у Троцкого, ни у Бухарина, ни у кого-нибудь еще. Вернее, с учетом позднейшего опыта целого ряда европейских стран альтернатива была одна — национальная катастрофа и уничтожение первого государства раннего социализма.

Однако недовольство политическими изменениями, происходившими в 30-е годы, у ряда представителей активной части тогдашнего общества было серьезное. При этом многие люди, такие как Иван Бакаев, имевшие опыт подпольной работы и гражданской войны, оппозиционную деятельность понимали не только как разговоры на кухне. Образно говоря, «перепостами» картинок в соцсетях они бы и сейчас не ограничились. И вот по этому слою людей был нанесен удар, причем били опять же «по площадям». Результат оказался довольно печальным. Та же Анастасия Бакаева могла, конечно,

помогать отцу в каких-то делах, арестовали ее в августе 1936-го, когда система работы в НКВД еще не пошла вразнос... Но смертный приговор, вынесенный ей в 1937 году, здравому смыслу, конечно, не соответствует.

Судьба семьи Бакаевых — это действительно трагедия. Не примитивная трагедия, в которой «плохие» парни убивают «хороших», а трагедия в подлинном смысле этого слова, когда определенный слой людей, делавших революцию, из-за своих политических пристрастий и представлений оказался на пути объективного исторического развития, на пути выбора, сделанного своей же партией и миллионами ее сторонников...

Между прочим, цинизм при использовании памяти о репрессированных в Сандармохе людях свойствен не только отечественным «декоммунизаторам». Здесь, например, регулярно бывают и представители современной Эстонской республики. Несколько лет назад генеральный консул Эстонии в Санкт-Петербурге Кристен Лахтейн принял участие в траурной церемонии в урочище Сандармох, возложил цветы к подножию памятного камня, поставленного в память об эстонцах, казненных там, и, как сообщалось в СМИ, в своей речи «сосредоточился на теме любви к ближнему».

Впрочем, что еще оставалось делать представителю маленькой страны, в которой запрещена даже коммунистическая символика, зато фактически реабилитированы пособники нацистов? Только заниматься безудержной демагогией. Ведь подавляющая часть похороненных в Сандармохе эстонцев — это коммунисты. Комиссар культуры и искусства Эстляндской трудовой коммуны Артур Вальнер. Политработник 1-й бригады

Зельма Самойловна Арро. Один из организаторов отрядов Красной гвардии в Эстонии Отто Германович Мальмберг... Да, судя по всему, они стали жертвами внутрипартийной борьбы 30-х годов.

Но если, по словам бывшего президента Эстонии Тоомаса Ильвеса, «опекаемая большевистской Россией Эстляндская трудовая коммуна была одной из кровавых попыток уничтожить эстонское государство», то почему судьба этих людей волнует представителей современной эстонской элиты? Антироссийской, антикоммунистической и очень часто — нациствующей. Только для использования в сиюминутных политических целях. Но тут, извините, опять вспоминается известный анекдот — либо крестик, либо труссы...

Поставят ли в Сандармохе памятник работникам ОГПУ-НКВД?

И в завершение повествования о первом соловецком этапе коснемся еще одной категории расстрелянных в Сандармохе людей. Для той части либеральной общественности, которая свято уверена в том, что там «кровавые чекисты расстреляли лучших людей страны», это, возможно, будет неожиданно. При внимательном изучении списка Сандармоха в нем обнаруживается целый ряд бывших сотрудников ЧК-ОГПУ-НКВД, а также других, как принято выражаться, «карательных органов».

У них очень сложные и разные судьбы. Иногда все выглядит очень банально:

Шебсман Давид Львович. Работал в органах НКВД, по-

мощник уполномоченного. Приговорен 22.02.1934 Коллегией ОГПУ по ст.ст. 58-10, 109 УК РСФСР к 10 годам лишения свободы. 109-я статья — это злоупотребление властью или служебным положением.

Коротков Петр Федорович. В 1918–1924 гг. уполномоченный ВЧК-ОГПУ, инженер Наркомата лесной промышленности СССР. Приговорен к 10 годам за расхищение социалистической собственности.

Тунтул Иван Иванович. В 1921–1930 гг. линейный уполномоченный транспортного отдела ОГПУ, уволен; затем работал в Музее изящных искусств. В январе 1933 г. приговорен Коллегией ОГПУ к 5 годам ИТЛ за мошенничество. Дважды совершил побег из мест заключения. Задержан при попытке перехода границы в Латвию. Но все-таки больше бывших чекистов пострадали за свои идейные предпочтения:

Житков Александр Иванович. Быв. член ВКП(б); быв. оперуполномоченный ОГПУ. Приговорен 25.05.1931 Особым совещанием ОГПУ к 3 годам ИТЛ («к/р троцкистская деятельность»). В заключении приговорен 28.05.1933 дополнительно к 2 годам (за «продолжение контрреволюционной троцкистской деятельности»). 22.01.1936 приговорен Особым совещанием при НКВД СССР к 3 годам ИТЛ (за «активную контрреволюционную троцкистскую агитацию и нарушение лагерного режима»).

Дингельштедт Николай Николаевич, русский; из дворян; член РСДРП(б) в 1912–1917 гг. (вышел из партии). В 1918–1922 гг. нач. следственной части Петрочека, заведующий следственной частью Особого отдела Восточного фронта, сотрудник центрального аппа-

рата ГПУ РСФСР. Окончил Горный институт (1925 г.). С 1930 г. ст. геолог. Арестован за «клевету на Советскую власть».

Георгий Яковенко с 1918 по 1919 год был следователем ВЧК, в дальнейшем — замнаркома юстиции Дальневосточной Республики, партследователь ЦКК и Народного Комиссариата РКИ. В середине 1920-х годов Георгий Яковенко становится активным участником «троцкистско-зиновьевской оппозиции».

Папаян Гайк Кегамович работал в органах ЧК на Кавказе в 1921–1925 гг. Окончил китайское отделение Ленинградского восточного института. Арестован 27.05.1936, обвинялся в участии в «к/р троцкистско-зиновьевской организации в ЛО АН СССР».

И это еще не все. Если сюда добавить бывших чоновцев, работников прокуратуры, уголовного розыска (например, **Волдынь Петр Янович** — обвинялся в «фабрикации фиктивных документов и взятках»), то получится, что несколько процентов численности первого соловецкого этапа — это люди, имевшие непосредственное отношение к карательным органам. Да, из них многие — политические, участвовали во внутрипартийной оппозиции. Но также хватает осужденных за должностные преступления и заподозренных в шпионаже.

С учетом данных фактов есть все основания поставить в Сандармохе отдельный памятник бывшим сотрудникам ВЧК-ОГПУ-НКВД, погибшим в годы репрессий. Конечно, у членов общества «Мемориал» по причине разрыва шаблона может случиться истерика, но ведь им будет трудно опровергнуть информацию со своего же сайта.

Подведем итог по первому соловецкому этапу

Состав первого соловецкого этапа действительно был крайне неоднородным. Русское белое офицерство и басмачи. Петлюровцы, устроившие геноцид евреев, и чекисты-евреи, бывшие сторонниками Льва Троцкого. Следователи уголовного розыска — и уголовники-рецидивисты. Эстонские коммунисты — и польские шпионы. Армянские дашнаки и азербайджанские мусаватисты. Этот перечень можно продолжить. Большинство из них были идейными оппонентами и непримиримыми врагами даже друг для друга.

Телеграмма наркома Ежова, фактически ставшая жестоким приговором всем этим людям, нарушала все принципы справедливого судопроизводства. Однако в целом историческая правда о первом соловецком этапе оказывается не такой простой и однозначной, как, может быть, кому-то хотелось. Многие из казненных в Сандармохе, как достаточно легко установить, исходя из материалов самого же «Мемориала», сами убивали, и много убивали. К ним вполне применима строка из известной песни «нас не надо жалеть, ведь и мы б никого не жалели».

Да, при желании можно настаивать на том, что все они являются невинными жертвами. Однако в ответ можно вспомнить о тех, кто стал «жертвой жертв Сандармоха». Расстрелянные Железняком красноармейцы, замученные петлюровцами еврейские семьи, убитые колчаковцами сибирские крестьяне, растерзанные басмачами мирные жители Средней Азии... Вот с ними-то как быть? Общество «Мемориал» предлагает их всех забыть? Сделать вид, что этих людей не существовало,

чтобы не портить пафосный лубок, на котором злодей Сталин убивает в Сандармохе лучших представителей всех народов?

А давайте вспомним, что в современной российской литературе устойчивой популярностью пользуется жанр про «попаданцев», в котором по сюжету герой попадает в другое время или другой мир. Ведь интересно было бы смоделировать ситуацию, в которой современный либеральный интеллигент, некий столичный активист общества «Мемориал» перемещается во времени и попадает, например, в 1919 год, в Житомир, к петлюровцам. Или в комендатуру Читы, руководимую полковником Андерсоном. В банду басмачей. В отряд Булак-Балаховича. В деникинскую контрразведку. В банду Джаяни. В общем, к тем людям, которые впоследствии станут «жертвами Сандармоха».

Каковы были бы его шансы после общения с этими замечательными людьми вернуться назад, в наше время, живым и здоровым? Вопрос, естественно, чисто риторический. Ведь ответ на него известен.

Конечно, далеко не все заключенные, попавшие в первый соловецкий этап, были участниками и соучастниками кровавых расправ времен Гражданской войны. Понятно, что каждого человека из списка Сандармоха нужно оценивать индивидуально, и прежде чем судить, установить все обстоятельства его жизни и деятельности. В целом же можно говорить о том, что без знания событий 1917–1922 годов невозможно понять и печальные события в Сандармохе в 1937 году. Ведь расстрел первого соловецкого этапа — это некая последняя точка в истории Гражданской войны в России.

К сожалению, в 1937–1938 годах пострадало очень много невинных людей. Об этом нужно помнить. Но совершенно непонятно, почему мы, жители современной России, должны чтить память украинского кулака и палача Железняка. Бандита Садового-Уэльского. Военного преступника Садовского и прочих петлюровцев. И тем более — обычных убийц Занина и Дементьева. Только потому, что их расстреляли во время правления Сталина? Может быть, члены общества «Мемориал» смогут ответить на этот простой вопрос?

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

О репрессиях в Карелии

Карелия — одна из самых пострадавших республик

Факт расстрела первого соловецкого этапа в Сандармохе действительно доказывается на основе документов из карельского архива ФСБ. Однако общество «Мемориал», в лице Юрия Дмитриева, много лет утверждало, что в этом же месте были расстреляны и жители Карелии, около 3 тысяч человек, попавших под каток репрессий в 1937–1938 годах. Этому утверждению поверили многие люди, в том числе потомки репрессированных. Так как среди репрессированных жителей Карелии, кроме карелов и русских, очень большая доля приходится на уроженцев Финляндии, то не только в нашей республике, но и в современной Финляндии к теме Сандармоха особое внимание.

Однако повторю еще раз: исходя из всех приведенных цифр и фактов, из разницы в данных Ивана Чухина и Юрия Дмитриева, из мнения современных поисковиков, приходится сделать вывод, что на сегодняшний день нет никаких доказательств, что в 1937–1938 годах расстрелы репрессированных жителей Карелии проходили именно в Сандармохе. Более того, есть все основания полагать, что большинство из указанных в списках

жителей Карелии к этому месту не имеют никакого отношения.

Можно гадать, было ли это ошибкой или сознательным подлогом, но Юрий Дмитриев, не имея никаких доказательств, ввел в заблуждение множество потомков репрессированных людей. Впрочем, к его мотивации в данном конкретном случае мы еще вернемся.

На этом можно было бы поставить точку, но тем не менее попытаемся разобраться в этой тяжелой и болезненной для нашей республики теме. Тяжелой и болезненной по вполне объективным причинам — судя по цифрам, в процентном отношении ко всему населению Карелия является одним из самых пострадавших в 1937–1938 годах регионов. А возможно, и самым пострадавшим. Как пишет в своей книге «Кровавый карлик» против Вождя народов. Заговор Ежова» историк Леонид Наумов, при оценке размаха репрессий правильнее учитывать население каждого региона, чтобы определить относительную интенсивность массовых операций:

«В среднем в ходе массовых операций оказалось репрессировано 0,4 % населения страны. Однако пока мы располагаем данными только о 0,25 %. Если установить, что это средняя цифра, то есть регионы, в которых она значительно перевыполнена, а есть регионы, в которых репрессировано ниже средних значений».

Он же отмечает, что в Карелии в рамках приказа № 00447 тройками репрессировано более 7 000 человек. Основная масса арестованных в 1937 году — русские и карелы, основная масса финнов арестованы в 1938 году, хотя аресты начались раньше. Всего русских среди репрессированных 38 %, финнов — 24 %, карелов — 25 %.

Подводя итог, Наумов подчеркивает, что Карелия оказалась одной из самых затронутых репрессиями республик, как при проведении кулацкой операции, так и при проведении национальных операций. Ведь получается, что в процентном отношении ко всему населению в Карелии было репрессировано в 5–6 раз больше человек, чем в среднем по стране. И это не могло не сказаться на современном отношении в нашей республике к этой тяжелой исторической проблеме.

Ошибка доктора Гюллинга

Жертвами «финской операции» НКВД, официально начавшейся 14 декабря 1937 года, стали этнические финны, составлявшие не очень большой процент населения республики, но очень влиятельный. Ведь после поражения коммунистов в гражданской войне 1918 года в Финляндии многие из их лидеров и сторонников бежали в Советскую Россию и осели именно в Карелии. При их непосредственном участии и руководстве создавалась карельская автономия, ее органы власти и даже отдельные воинские части в виде карельского егерского батальона, впоследствии реорганизованного в целую бригаду.

В начале 30-х годов произошло новое, относительно массовое переселение финнов из Финляндии, а также из США и Канады в нашу республику. В условиях Великой депрессии эти люди решили приехать строить социализм по соседству со своей исторической родиной. Надо отметить, что трудолюбивые и квалифицированные финские переселенцы внесли большой вклад в раз-

витие Карелии, о чем жителям республики всегда нужно помнить.

Но объективный конфликт интересов, связанный с переселением финнов, все-таки существовал. Против привлечения иностранцев и создания таким образом чужеродного финского анклава в республике выступали ОГПУ, а также Наркомат иностранных дел СССР. И как бы ни относиться к этим организациям, теперь приходится констатировать, что во многом они оказались правы.

Ведь у этого в целом позитивного явления была и обратная сторона медали, о которой тоже нельзя умолчать. Финское руководство Карелии во главе с Эдвардом Гюллингом создавало для своих бывших соотечественников особые условия. Составляя всего 3 процента населения республики, финны занимали многие руководящие посты на республиканском и районном уровнях. При развитии местной культуры упор делался также на распространение финского языка, на развитие финского театра, радиовещания на финском языке. Между прочим, в ущерб развитию карельского и вепсского языков. Представителям финского населения создавались привилегированные материальные и бытовые условия.

Формально это было сделано для поощрения хороших специалистов, к тому же привыкших ранее к более комфортным условиям жизни в Финляндии, США и Канаде. Но такие привилегии явно нарушали принципы социальной справедливости и сказывались на настроении коренного карельского и русского населения. Как оно должно было реагировать на случаи, когда, напри-

мер, в Кестеньгском леспромхозе финнам за одну и ту же работу платили на 50 процентов больше, чем русским и карелам? А в МТС Ругозерского леспромхоза зарплата у финнов была 26 рублей, тогда как карелы и русские получали по 4–6 рублей? То же самое можно говорить об извечном «квартирном вопросе» — финских переселенцев намного лучше обеспечивали жильем. Доходило до курьезных, но весьма показательных случаев, когда в некоторых населенных пунктах устанавливалось правило, что в общественной бане по разным числам мылись карелы, русские и финны. Автору приходилось слышать и воспоминания стариков о существовавших клубах для финнов, куда не пускали чужих. В общем, в Карелии искусственно создавался замкнутый и привилегированный мирок финских эмигрантов.

Все эти случаи нашли отражение в прессе 1937–1938 годов, которую, не очень задумываясь, цитировали обличители «сталинских репрессий». Не понимаящие того, что все эти факты свидетельствуют об объективно существовавшем и довольно остром национальном конфликте.

Я ни в коем случае не собираюсь осуждать и бичевать тогдашнее финское руководство Карелии. Ведь те же руководители Карелии Эдвард Гюллинг и Густав Ровио были людьми своего времени и своей культуры, выросшими в соответствующих условиях, со своим национальным менталитетом. Вот только их ошибочная политика, когда интернационализм подменялся своеобразным «национал-коммунизмом», вызвала национальные трения и в итоге привела их обоих к печальному концу. И не только лично их.

Как созданные ими порядки отражались на настроениях коренного населения, которое тоже строило социализм, тоже хотело справедливости? Уже в 1939 году НКВД составило справку «О реагировании населения Карельской АССР в связи с заключением договора между СССР и финляндским Народным правительством». Речь идет о ситуации, когда часть Карелии хотели передать «нашему» финскому правительству Отто Куусинена.

«Часть карел, жизненные интересы которых были особо ущемлены финскими буржуазными националистами, и сейчас, в силу своего недопонимания, враждебно относятся вообще ко всем финнам. Это положение нашло свое отражение и в реагировании карел на воссоединение карельского и финского народов и присоединение части районов Карелии к Финляндии. Приводим наиболее характерные высказывания, зафиксированные нашей агентурой.

Гражданин дер. Юргелицы Ведлозерского района Н. [...], по национальности карел, о заключенном договоре между СССР и Финляндской Демократической Республикой сказал: «Я ни в коем случае не соглашусь остаться под финским руководством, если оно будет таким же, какое было у нас в Карелии. Финны народ самолюбивый и нам, карелам, стараются только навредить».

Колхозник колхоза «Красная звезда» Пряжинского района А. [...] среди односельчан о воссоединении карельского и финского народа сказал: «Никогда я не останусь в подчинении Финляндии. Если останемся у них, то заставят опять изучать финский язык, а русский язык запретят. Буржуазия будет эксплуатировать

нас. Зачем нас отдают Финляндии? Можно было бы Финляндию оставить финнам, а мы так бы и жили в Советском Союзе. Финны народ злой, нас, карел, все время презирали. Когда при советской власти они находились у руководства, они были все обеспечены, нас же, карел, даже близко к магазину не подпускали».

Но была и другая сторона проблемы. Приехавшие в нашу страну финны были тоже самыми разными людьми. Кто-то просто искал приключений, кто-то искал лучшей в материальном плане жизни, многие испытывали и энтузиазм, и некий идеализм. Однако никуда не деться от того факта, что люди из США или Финляндии приехали в страну, изначально гораздо более бедную, с другой культурой, испытывавшую закономерные трудности, когда все имевшиеся ресурсы были брошены на то, чтобы провести индустриализацию и подготовиться к грядущей неотвратимой войне. Не все, при всем их энтузиазме, могли понять объективные причины бедности или случаев бескультурья. Они плохо знали предшествующую историю страны. Поэтому у многих наступало разочарование.

К этому добавлялось то, что разведка соседнего государства, используя имевшие место националистические настроения, пыталась использовать представителей финского населения Карелии в своих целях. Работала она весьма активно. По мнению финского журналиста Юкки Рислакки, репрессии против финнов в значительной степени были обусловлены тем, что среди них было много агентов, завербованных охранкой соседнего государства. Отсюда у наших властей возникало недоверие к финнам, и это тоже сыграло свою

негативную роль в 1937 году. Об этом в своем интервью говорил и карельский историк Эйнар Лайдинен:

«По архивным данным, всего с 1918 по 1939 год финская сторона направила 135 своих агентов. По-настоящему «закрыть» границу на замок удалось только в середине 1930-х годов. Кроме того, финны вербовали агентов из числа жителей Карелии. Я считаю, что есть и вина финской стороны в репрессиях 30-х годов. Их активная разведывательная деятельность привела к тому, что НКВД Карелии предприняло такие репрессивные меры».

Все это, конечно, не значит, что можно оправдать тех следователей НКВД, которые «шили» липовые дела против представителей финского населения, или тех жителей Карелии, кто писал доносы на своих финских начальников или коллег. Речь не идет об оправдании, речь идет о понимании причин, которые привели к такому трагическому финалу. Это были именно серьезнейшие ошибки в национальной политике. Для тех, кто пережил распад СССР и стал свидетелем межнациональных конфликтов, ситуация ведь достаточно понятная.

Впрочем, нужно сделать одну оговорку. При том, что финское население пострадало сильнее всего, репрессии в отношении финнов не носили тотального характера. Уже через два года, во время создания Карело-Финской ССР, финский язык опять вернулся в республику в качестве государственного, как вернулся и статус титульной нации с соответствующим представительством в органах власти. Достаточно упомянуть, что во время Великой Отечественной войны в рядах Красной армии воевало три генерала-финна — Тойво Викторovich Томмола, Эмиль Вильгельмович Тойкка, Аксель

Моисеевич Анттила. С учетом того, что Финляндия в этой войне была союзником фашистской Германии, наличие в РККА сразу трех генералов-финнов — факт беспрецедентный.

Поэтому все спекулятивные рассуждения о некоем «геноциде» финского населения СССР, утверждения о том, что «могли арестовать просто за то, что финн», не выдерживают никакой критики.

Вепсский феномен

По сравнению с финнами коренное население части бывших Олонецкой и Архангельской губерний, вошедших в состав Карелии, пострадало значительно меньше. Хотя все равно в процентном отношении эти показатели гораздо выше, чем в среднем по стране. И тут, как и в случае с соловецким этапом, причины произошедшего невозможно понять без рассмотрения особенностей Гражданской войны и иностранной интервенции на Русском Севере.

Владислав Голдин в своей капитальной монографии «Север России на пути к Гражданской войне» отмечает тот факт, что: «Эта война была принесена сюда на иностранных штыках, ибо без вторжения интервентов антибольшевистские силы здесь имели минимальные шансы прийти к власти и не смогли бы удержать ее на длительный срок. При всей сложности политической и социально-экономической ситуации дело ограничивалось ранее лишь локальными проявлениями недовольства и протестов и не доходило до крупных и масштабных вооруженных столкновений. Этому спо-

собствовал и антивоенный менталитет северян, привычки и стремление решать спорные вопросы не посредством использования вооруженной силы, а путем мирного поиска взаимоприемлемых решений».

Именно иностранное вмешательство в 1918–1919 годах привело к власти на Русском Севере различные белые правительства, развернувшие беспощадный террор против местного населения. Так, когда обличители «сталинских репрессий» вспоминают про знаменитую Соловецкую тюрьму, то совершенно не замечают тот факт, что это не большевики, а именно «демократическое» правительство Миллера-Чайковского, которое поддерживали «западные демократии», 3 февраля 1919 года приняло постановление, по которому граждане, «присутствие коих является вредным... могут быть подвергаемы аресту и высылке во внесудебном порядке в места, указанные в пункте 4 настоящего постановления». Указанный пункт гласил «Местом высылки назначается Соловецкий монастырь или один из островов Соловецкой группы...».

Как пишет исследователь истории Гражданской войны П. А. Голуб, «вожди белого режима на Севере — Чайковский, Миллер, Мурушевский и прочие, уже пребывая в эмигрантском далеке, не уставали чернить большевиков за ссылку контрреволюционеров на Соловки. Но при этом дружно демонстрировали провал памяти, а именно: дорогу на Соловки проложили именно они».

В итоге тысячи человек на территории Русского Севера прошли через тюрьмы и концлагеря. Согласно только официальным данным властей, по приговорам военных судов было расстреляно около 4 000 человек

из числа сторонников Советской власти. Эти политические репрессии, в которых участвовали и местные жители, служившие в белой армии, коснулся значительной части территории Карелии.

Но еще более страшный террор происходил в районах с карельским населением в период так называемых «племенных войн», организованных руководством соседней Финляндии и ее военных в период с 1918 по 1922 год. В этих экспедициях участвовали те же офицеры и солдаты финской армии, которые отметились в кровавом подавлении рабочей революции в Финляндии. У них был опыт убийств, в том числе массовых расстрелов раненых и тех представителей мирного населения, кто поддерживал противоположную сторону в гражданской войне.

Часто во всех этих преступлениях участвовали и местные сторонники белофиннов. Кто-то из местных потом попал под амнистию, кто-то ушел с отступающими белыми в Финляндию и вернулся на родину уже в середине 20-х годов. Это были так называемые «карбеженцы». Практически все они были поставлены на оперативный учет в ОГПУ. Е. В. Усачёва в своей публикации «Анкеты карбеженцев как источник по истории миграции населения в Карелии в 1920-е годы» сообщает: «При заполнении анкет респонденты отвечали на вопросы о своем участии в вооруженных выступлениях против советской власти. Чаще всего писали, что делали это «принудительно», «по мобилизации», однако нередки и случаи «честных» ответов о добровольности участия. Немаловажны и пометы на полях анкет об отсутствии или наличии сведений в учетных картотеках о роли

карбеженца в военных событиях. У некоторых имеется приписка «ВМН» и дата — 1937 г., 1938 г., т. е. к этим документам обращались и в последующие годы».

Да, сейчас об этом стараются не вспоминать, но заметная доля репрессированных в 1937–1938 годах — это те, кто в годы Гражданской пошел на службу к интервентам, англичанам или финнам, кто так или иначе участвовал в белом терроре или способствовал ему. После Гражданской к этим людям отнеслись мягко, но вот потом, через 15 лет, вспомнили. Конечно, многие из них на тот момент ни в чем противоправном замечены не были. Но на основании списков и тех же анкет этих людей автоматически зачислили, например, в «финские шпионы».

Неожиданное подтверждение этому я нашел в книге Ивана Чухина «Карелия-37. Идеология и практика террора». Этот исследователь «сталинских репрессий» сообщает, что их масштабы в районах Карелии были очень разными. В частности, они были сравнительно невелики в Шелтозерском районе, с населением в 9 тысяч человек, преимущественно коренным, вепским. Причем вепсов тогда было арестовано всего 16 человек, следовательно, репрессировано еще меньше, ведь некоторую часть арестованных, как правило, потом отпускали.

Иван Чухин, а вслед за ним Ирина Такала в своей статье «Большой террор в Карелии» объясняют большие различия в масштабах репрессий в разных районах Карелии «близостью к главным силам НКВД», наличием крупных предприятий и строек, пограничным положением, активностью местных чекистов. Хотя, пользуясь выводом Чухина о факторе «близости к главным силам НКВД», можно было бы предположить, что прионеж-

ским вепсам пришлось бы совсем плохо. В реальности все почему-то с точностью до наоборот.

Для понимания ситуации нужно просто посмотреть на карту военных действий в Карелии во время Гражданской войны. И вспомнить все о том же белом терроре. И белогвардейцы, и белофинны при занятии карельских деревень, как правило, старались расстрелять всех мужчин, так или иначе замеченных в поддержке Советской власти. Естественно, при этом не обходилось без участия их приспешников из числа местного населения. Односельчане убивали односельчан. Потом, как уже говорилось, многие из участников антисоветских вооруженных формирований попали под амнистию, вернулись на родину. А у тех, кто навсегда ушел в Финляндию, замарав себя расправами над односельчанами, в этих деревнях оставались близкие родственники. Тут нужно понимать психологию деревни, где старые обиды долго не забываются и часто переносятся на иных членов семьи своего обидчика. Наверное, психологически не очень просто регулярно встречать на деревенской улице человека, который мог тебя расстрелять. Или брата того человека, который убил твоего брата...

В 1937 году часть бывших белобандитов и участников «каравантюры», на которых имелись компрометирующие данные, арестовывали, скорее всего, просто по спискам. Ну а дальше включилась «инициатива» местного населения, причем не исключено, что с обеих сторон... А так как доносы могли писать все, то при этом пострадали и многие активные сторонники Советской власти.

А что вепсы? Шелтозерский район — единственный, на территорию которого не вторгались белые и интер-

венты, в котором не ощущалось ожесточение гражданской войны внутри каждого деревенского сообщества. Поэтому, если взять данные из той же статьи Ирины Такалы и пересчитать в процентах, выходит, что процент репрессированных среди вепсов Шелтозерского района был примерно в 7 раз ниже, чем среди карелов Олонецкого района!

Будет полезно сравнить и другие цифры. В современном сборнике историко-краеведческих очерков об истории Олонца приводятся данные, что за несколько месяцев 1919 года, когда в Олонецком районе хозяйничали белофинны, ими было расстреляно 286 человек, среди них 3 малолетних детей, 10 женщин и старух. За два года репрессий (1937–1938) к высшей мере наказания в Олонецком районе приговорено около 300 коренных жителей. Сопоставимые цифры, говорящие о степени интенсивности репрессивной практики. Но только «Олонецкий поход» 1919 года не рассматривается в современной финской историографии как нечто преступное и требующее осуждения.

Еще одним районом, где процент репрессированных оказался заметно ниже, чем в среднем по Карелии, был Пудожский. И тут прослеживается та же закономерность, ведь часть территории бывшего Пудожского уезда тоже не была затронута военными действиями. Но там белые захватили Водлозерье и, как писал местный краевед Евгений Нилов, «повязали» многих его жителей участием в белом движении. При том, что среди них были и перебежчики из Красной армии, проводники и разведчики белогвардейских частей, участники арестов и расстрелов коммунаров, советских и партийных

работников. Стандартным обвинением для них позднее стало «активный белобандит».

Констатируем еще раз — без иностранного вмешательства (англичан, американцев, финнов) никакой широкомасштабной гражданской войны на Севере России просто не было бы, у врагов Советской власти из числа местной буржуазии, кулаков и националистической интеллигенции не хватило бы сил на что-то серьезное. Поэтому все военные действия здесь можно рассматривать прежде всего как отпор иностранному вмешательству, а участников военных действий с той стороны как коллаборационистов. При этом не будь ожесточения гражданской войны и белого террора, масштабы репрессий 1937–1938 годов в Карелии не приняли бы такого широкого масштаба.

Именно гипотетическая возможность очередной «каравантюры», попыток финских правящих кругов захватить Карелию, определяла многие стороны деятельности органов безопасности Карелии все 1920–1930-е годы. Тем более что активная шпионская деятельность Финляндией реально велась, и она так или иначе приводила к «шпиономании» по эту сторону границы.

Эйнар Лайдинен и Ээро Эльвенгрэн в своей книге «Шпионаж за восточной границей. Деятельность разведки Генерального штаба финской армии в Советской Карелии в 1918–1939 годах» пишут, что разведывательная деятельность негосударственных организаций вновь активизировалась в начале 1930-х гг. Карельское академическое общество и местные руководители беженцев, карелов и ингерманландцев в большом количестве стали направлять своих агентов в Ингерманландию

и Карелию. Они приходят к выводу, что в 1920–1930-х гг. в РСФСР — СССР действовали сотни агентов финских спецслужб, многие из которых имели собственных осведомителей из числа местных жителей. Еще за несколько лет до начала Зимней войны финская агентура позволяла разведке Генштаба составлять довольно достоверную картину происходившего в полосе глубиной до 50 км от госграницы. Однако к 1939 году уцелевшие агенты перестали доставлять достоверные сведения как раз в тот момент, когда финская военная разведка больше всего в них нуждалась. Немногие оставшиеся активные агенты сообщали недостоверную информацию. Таким образом, к осени 1939 г. противостояние спецслужб СССР и Финляндии завершилось в пользу советских контрразведчиков, которым удалось выявить и нейтрализовать финскую агентурную сеть, действовавшую в северо-западной части СССР.

В этой связи принципы исторической правды и справедливости требуют того, чтобы реальные финские агенты, счет которым идет на сотни, были исключены из списков незаконно репрессированных в 1937–1938 году граждан.

С другой стороны, если некоторые круги современной Финляндии пытаются педалировать тему репрессий в Карелии, то совершенно закономерно будет поставить вопрос об исторической ответственности финского государства и его вооруженных сил за все печальные последствия так называемых «племенных войн», организованных правящим классом этой страны. Во всяком случае я, как карел, предложил бы нынешнему руководству соседней страны наконец-то принести

извинения карельскому народу за события 1918–1922 годов. Ведь сейчас подобные шаги соответствуют всем популярным мировым трендам.

Также необходимо прокомментировать тот факт, что некоторые современные деятели карельского национального движения считают репрессии против карелов неким «геноцидом». Однако и в этом случае имеющаяся статистика легко опровергает данный тезис.

С 1926 по 1939 год, согласно данным Всесоюзных переписей населения, число карелов в Карельской АССР выросло на 8 тысяч человек. В эти же «сталинские» годы увеличилась и численность вепсского населения республики с 8 до 9 тысяч человек. Потом, в послевоенное время ассимиляция карелов усилилась, было очень большое число межнациональных браков. С 1959 по 1989 г. численность карелов несколько сократилась, с 85 до 79 тысяч человек. Но с возвратом к капитализму, когда вместе с рыночными реформами началось вроде бы «национальное возрождение», началось просто стремительное вымирание коренного населения республики. Согласно последней переписи населения десятилетней давности, карелов в Карелии осталось всего 45 тысяч, вепсов — 3 тысячи.

У нас любое сельское кладбище — это маленький либеральный «Сандармох», где есть масса могил мужиков трудоспособного возраста. Однако разоблачители «сталинских репрессий» упорно не хотят замечать этого процесса.

Когда вспомним всех?

Позволю себе небольшое отступление. В октябре 2015 года, еще будучи депутатом карельского парламента, я направил тогдашнему главе Карелии Александру Худилайнену обращение:

«30 октября в Российской Федерации, в том числе и в Республике Карелия, официально отмечается день памяти жертв политических репрессий. В этот день проходят траурные акции и памятные мероприятия. Между тем, как свидетельствует практика последних лет, в трактовке данных событий допускается односторонний подход. К жертвам политических репрессий относят исключительно лиц, пострадавших от Советского строя. В то же время совершенно игнорируются многочисленные факты белого террора.

Хотелось бы обратить внимание на то, что политические репрессии в двадцатом веке на территории Карелии начались в годы Гражданской войны и военной интервенции, и первыми массовыми их жертвами стали сторонники Советской власти.

По далеко не полным подсчетам исследователей Гражданской войны, на Севере России через тюрьмы, концлагеря и каторгу белогвардейцев и интервентов прошло около 52 тысяч человек, то есть до 11 % всего населения региона. Это подтверждается опубликованными и архивными документами, многочисленными воспоминаниями участников событий, памятниками и памятными знаками, установленными на месте гибели сторонников Советской власти на территории Карелии.

Почему бы в день памяти жертв политических репрессий не вспомнить расстрелянных белогвардейцами и интервентами советских активистов Кеми, станций Масельгская, Медвежья гора, деревни Юркостров, села Нюхча, поселка Ругозеро, 286 коммунистов, учителей, крестьян Олонецкого уезда, в том числе малолетних детей и многих других?

В этой связи я предлагаю органам исполнительной власти Республики Карелия в день памяти жертв политических репрессий 30 октября исправить допущенный перекос и во время официальных мероприятий, при опубликовании официальных обращений в средствах массовой информации также упоминать многие тысячи жертв белого террора на территории Карелии. Это будет объективный и честный подход к событиям истории России в двадцатом веке».

Губернатор в ответ сообщил, что счел мои предложения «важными и актуальными» и направил мое обращение в комиссию по восстановлению прав реабилитированных жертв политических репрессий, существующую при правительстве РК. Однако на заседании этой комиссии большинство ее членов высказались в том духе, что 30 октября по закону является днем памяти «жертв тоталитарного государства» и, дескать, «нет никаких правовых основ» упоминать здесь еще и жертв белого террора. Среди них тогда был и Юрий Дмитриев.

Вроде бы все жертвы равны, но выходит, что некоторые равнее...

Почему люди поддерживали власть?

Есть еще один аспект в изучении проблемы репрессий 1937–1938 годов, на который и «Мемориал», и многие другие исследователи стараются не обращать внимания. Все эти процессы проводились НКВД, но ведь поддерживались заметной частью населения. Речь тут идет не о банальной фразе писателя Довлатова о том, что кто-то, дескать, написал четыре миллиона доносов, а о более серьезных и малоизученных процессах.

Даже поверхностное знакомство с публикациями тех лет свидетельствует, что случаев мелкой коррупции и разгильдяйства со стороны местного начальства было предостаточно. Например, в номере газеты «Красная Карелия» от 4 сентября 1937 года сообщается о показательном процессе «обанкротившегося руководства» Пудожского района. Уже репрессированным на тот момент начальникам ставилось в вину снижение выплат по трудодням. Речь шла и о систематическом невыполнении плана по лесозаготовкам, о случаях вопиющей бесхозяйственности, когда «ушло под снег 3000 га нескошенных лугов», о падеже скота, распределение оплаты в колхозе так, что все доставалось «своим» людям. Также сообщалось, что руководство района закрывало глаза (или крышевало?) на то, что мы бы сейчас назвали мелким нелегальным бизнесом. То есть коррупция или воровство в те годы зачастую квалифицировались как политические преступления, как вредительство. Как шпионов осуждали и всех причастных в приграничной Карелии к контрабанде.

Из публикаций многих авторов начала 90-х также можно сделать вывод, что в ряде случаев вскрывались реальные безобразия. Например, халатность. Чухин описывает случай, когда в больнице врачи давали пациентам не то лекарство, которое требовалось, в результате чего один человек умер. Медиков обвинили во вредительстве. Это дикость? Да, дикость. Но ведь и в наши дни немало случаев, распиаренных в СМИ, когда после врачебной или любой иной ошибки ответственного лица пользователи социальных сетей требуют самой суровой кары для людей, по чьей халатности погибли люди. Вплоть до призывов «расстреливать на площади» за такие случаи.

Увы, такова особенность обывательского сознания. И Советской власти давно нет, и Сталин умер почти 70 лет назад, а подобные явления, мало зависимые от общественно-политического строя, мы наблюдаем по сей день.

Про еще более вопиющий случай произвола в Заонежском районе повествует в своей книге Иван Чухин. Он цитирует выдержку из показаний бывшего работника НКВД про то, как проводились аресты: «В сельпо растраты, ... а нам лень вандалиться с расследованием и пустили их как повстанцев». Уровень правового сознания и юридической подготовки был крайне низкий. Что сотрудники НКВД, что многие рядовые граждане считали: если что-то украл — значит, сразу «враг народа».

Возможно, тут сказывалось и влияние старых традиций крестьянской общины. Ведь до революции в крестьянской повседневности часто происходили случаи самосудов по самым разным поводам, от воровства до

обвинений в колдовстве. При таких расправах нередко преступника убивали, однако это не считалось грехом, крестьянское общество считало, что имеет полное право совершать самосуд. Понятно, что такой специфический уровень правосознания никак не мог быть изменен за считанные годы. И он продолжал оказывать определенное влияние на поведение миллионов людей...

Думается, когда будут рассекречены все документы, картина произошедших событий окажется очень сложной и пестрой. Александр Костин пишет о репрессиях в том же Пудожском районе: «Подводя черту разговору о «вредителях», я в то же время не склонен отрицать, что такое явление отсутствовало. Противники колхозного строя проявляли свое неприятие власти разными способами. Так, когда в деревне Нигижма был организован колхоз «Парижская коммуна», куда вошли 20 хозяйств, то зажиточные крестьяне повели агитацию против колхоза, в результате 5 крестьянских хозяйств вышли из него. Дело дошло до избиения колхозников. Газетная информация на эту тему заканчивается словами: «Негодяи арестованы и предаются суду». Если верить газетным сообщениям из колхозов, то на лесозаготовках кулаки загоняли лошадей в хомуты гвозди, в Каршево совершались хищения запчастей от машин, в колхозе «Путь к свету» (Водла) кулак Н-в заморил лошадей, и далее в том же духе».

Еще одной категорией граждан, подвергшейся репрессиям в республике во время массовых операций, были БОМЖ — лица без определенного места жительства, чаще всего промышлявшие кражами. Всего в период операции репрессирован 261 человек из этой категории, в ос-

новном они были приговорены к лишению свободы. Но поскольку решения по ним принимали тройки, они также попали в общую статистику террора.

Следует добавить, что многие из приведенных фактов опровергают существующее представление о том, что репрессии 1937–1938 годов были попыткой «тоталитарного» государства полностью подавить общество. На самом деле все не так, картина получается гораздо более сложная.

Во-первых, в 1937–1938 годах именно у представителей государственного аппарата, от членов ЦК до мелких чиновников, были гораздо большие шансы попасть под каток репрессий, чем у простых граждан. А во-вторых, невозможно не заметить и того факта, что часть общества в той или иной форме сначала поддерживала этот процесс, считая, что идет борьба с реальными врагами, зарвавшимися чиновниками, что происходит наведение порядка, и лишь потом, когда маховик репрессий в Карелии был раскручен, у многих возникло ощущение, что процесс зашел слишком далеко.

Однако и руководство страны поняло это слишком поздно...

Сталинское руководство наказывает сталинских палачей за сталинские репрессии

В большинстве публикаций о репрессиях в Карелии обходится молчанием судьба их организаторов. Между тем есть смысл коснуться биографии действительно страшного человека в истории нашей республики, **Степана Матузенко**, руководителя НКВД в 1938 году.

Он стал преемником Карла Тенисона, арестованного в апреле 1938 года и умершего в больнице Бутырской тюрьмы.

Степан Тарасович Матузенко родился в 1897 году в глухом селе на территории нынешней Винницкой области Украины, в семье церковного псаломщика. Окончив церковно-приходскую школу и два класса духовного училища, он пошел добровольцем на Первую мировую войну, где заслужил медаль «За храбрость». В 1918 году оказался в Киеве, занятом войсками гетмана Скоропадского, и поступил писарем в армию гетмана. После бегства белых вступил или был мобилизован в ряды Красной Армии. Вновь воевал и оказался в плену уже у врангелевцев...

По представлениям нашего времени, человек с таким непролетарским происхождением, успевший послужить белым и побывавший в плену, не мог на что-то рассчитывать в 20–30-е годы. Тем не менее в 1920 году Степан Матузенко становится секретным осведомителем ЧК. Затем заканчивает Высшую пограничную школу и получает назначение в Среднюю Азию. Делает там карьеру офицера-пограничника.

Как пишет Иван Чухин, летом 1937 года его вызывают в Москву, где нарком Ежов сообщает Матузенко: «Мы вас назначаем на новую должность, ждите». Ждать пришлось полгода, потом приказ: убыть в Петрозаводск на должность наркома внутренних дел Карелии. Человек, далекий от следствия и чекистской работы, Матузенко, однако, развернул в республике бурную деятельность. Вот что показал на следствии сотрудник НКВД КАССР Н. Тидор: «Нарком Матузенко однажды в присутствии

меня и других сотрудников наркомата сказал начальнику отдела кадров Арапову, чтобы оставить в органах на работе русских и украинцев, а об остальных решить вопрос на предмет их увольнения и ареста. После этого из оперработников были арестованы Бритсон, Роскин и другие. Часть сотрудников нерусской и неукраинской национальности были уволены».

Все это достаточно странно. Человек с мутной биографией, то есть с имеющимся на него серьезным компроматом, при этом не оперативный работник, а пограничник, неожиданно назначается Ежовым наркомом в Карелию. Где устраивает настоящий погром, объективно дестабилизирующий ситуацию в приграничной республике. Еще раз констатируем, что в процентном отношении ко всему населению Карелия один из самых пострадавших тогда регионов, а если учесть процент приговоров именно к высшей мере наказания, то и самый пострадавший.

В этой связи не лишним будет вспомнить гипотезы некоторых историков, например, Юрия Емельянова, о том, что в 1937 году внутри самого НКВД возник реальный заговор против Сталина. Об этом же пишет в упоминаемой уже книге «Кровавый карлик против Вождя народов» кандидат исторических наук, автор ряда работ по истории ОГПУ и НКВД Леонид Наумов. На основе собранных им данных Наумов установил, что размах репрессий по регионам зависел от конкретных руководителей в НКВД. Причем определенная их группа в 1938 году, когда политическое руководство страны уже хотело свернуть репрессии, наоборот, еще больше раскручивала их маховик.

Не давая в целом оценку данным гипотезам, можно лишь констатировать, что поведение сына церковного псаломщика, бывшего писаря армии гетмана и ежовского выдвиженца Степана Матузенко в тот период, когда он руководил репрессиями в Карелии, вполне укладывается в их рамки.

Аресту Матузенко поспособствовал новый первый секретарь обкома партии Геннадий Куприянов, который послал в Москву множество документов, разоблачавших деятельность Матузенко и его предшественника. Куприянов сигнализировал об «ошибках» в ходе ведения следствия, о необоснованных арестах и несправедливых приговорах. 28 января 1940 года Военной Коллегией Верховного Суда СССР Степан Матузенко был приговорен к высшей мере наказания и расстрелян. В 1956 году в пересмотре дела было отказано Прокуратурой СССР, учитывая, что «Матузенко за преступную деятельность в НКВД осужден правильно».

В соответствии с постановлением СНК и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 года в республике началась чистка органов безопасности. Надо напомнить, что в этом постановлении сталинского руководства говорилось, что в НКВД были люди, которые «сознательно извращали советские законы, совершали подлоги, фальсифицировали следственные документы, привлекая к уголовной ответственности и подвергая аресту по пустяковым основаниям и даже вовсе без всяких оснований создавали с провокационной целью дела против невинных людей».

Были наказаны и люди, причастные к расстрелу первого соловецкого этапа. Они обвинялись в превышении власти при проведении расстрелов под Медвежьегор-

ском, в том числе в незаконном выполнении приказа Леонида Заковского об уничтожении соловецких узников. Еще в апреле 1938 года член Особой тройки Леонид Заковский был отстранен от должности в НКВД и расстрелян. Иван Апетер, начальник Соловецкого лагеря особого назначения, был уволен из НКВД 26 декабря 1937 года, а 22 августа 1938 года приговорен к казни. Та же судьба постигла его заместителя Раевского и уже упоминавшегося прокурора Ленинградской области Позерна. Было расстреляно за злоупотребления и руководство расстрельной бригады в Сандармохе в лице Ивана Бондаренко и Александра Шондыша. Другие ее члены, включая капитана Матвеева, приговорены к тюремному заключению.

В масштабах страны всем этим процессом наказания руководила новая команда во главе с наркомом Лаврентием Павловичем Берия. Парадоксально, но именно этот человек, восстанавливавший в конце 30-х законность и порядок в работе органов безопасности, при котором множество людей, арестованных при Ежове, получили свободу, впоследствии был назначен на роль одного из главных «злодеев» той эпохи.

В завершение заметим, что в либеральных СМИ утвердилось своеобразное клише, когда употребляют фразы «сталинские репрессии» или «сталинские палачи». Но тут оказывается, что сталинское руководство само наказало «сталинских палачей» за «сталинские репрессии». Абсурдность этой фразы лишний раз наглядно демонстрирует, что события 1937–1939 годов были гораздо более сложными, чем это представляется обыденному сознанию.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Смысл создания сандармохского мифа

Как Сандармох стал одним из главных символов репрессий?

Почему же картина, которую нарисовал «Мемориал», оказалась ложной? Почему, едва открыв Сандармох, не зная точно, сколько там было расстреляно человек, и не разобравшись во всех деталях случившегося, деятели из карельского «Мемориала» начали мощную информационную кампанию? В результате которой это место объявили чуть ли не самым большим на Северо-Западе расстрельным полигоном. А всех расстрелянных там — абсолютно невинными жертвами и лучшими представителями своих народов. Почему они так спешили?

Думается, ответ на этот вопрос будет ясен, если учесть, что Сандармох был открыт в 1997 году. И вспомнить общую социально-экономическую ситуацию в те годы как в России, так и конкретно в Карелии. Многие помнят страшный экономический и социальный кризис, связанный с либеральными реформами и возвратом к капитализму. Огромную смертность, многомесячные задержки по выплате зарплат и пенсий, массовую нищету, войны, публичное пренебрежение новой «элиты» элементарными нормами морали, остановку целых

производств. Надвигающийся коллапс на градообразующих предприятиях в Сегеже, Лахденпохья и в других населенных пунктах. Рост преступности, в том числе убийств, даже в тихой, спокойной Карелии.

Действующей на тот момент власти нужно было как-то отвлечь внимание населения от чудовищной ситуации в стране. Тему «сталинских репрессий» использовали для оправдания новой политики уже с конца 80-х годов. А тут подвернулся еще один удобный случай показать измученным рыночными реформами людям очередную «страшилку». Мол, терпите президента Ельцина, иного ведь нам не дано! Иначе придут коммунисты и всех опять расстреляют! Незамысловатая, примитивная, но как оказалось — эффективная пропаганда.

И вот тогдашнее правительство Карелии анонсирует, а затем организует открытие памятника жертвам политических репрессий в Сандармохе. Во входной зоне Сандармоха срочно устанавливается гранитная глыба со скульптурным барельефом «Расстрел с ангелом-хранителем» и надписью: «Люди, не убивайте друг друга». Открытие памятника состоялось 22 августа 1998 года, во время торжественной церемонии выступали губернатор Сергей Катанандов и будущий бессменный депутат Государственной думы Валентина Пивненко, представители дипломатических миссий и другие официальные лица.

Случайно ли, но за несколько дней до этого, 17 августа 1998 года, в России был объявлен дефолт. Миллионы людей теряли последние накопления, чудовищно выросли цены, количество самоубийств за короткий срок выросло в три раза... И в эти же дни проводится офици-

альное торжественное мероприятие с поминальным обедом в гостинице.

Как вовремя произошло открытие Сандармоха! В результате последующих событий никто уже особо в деталях и не разбирался, все было отдано на откуп «Мемориалу» и лично Юрию Дмитриеву. Началась пропагандистская пляска на костях, причем мемориальцы даже не старались особо разобраться, чьи это кости. Хотя и время, и документальные источники, и финансовые ресурсы, чтобы провести серьезное историческое исследование, у них были.

Как видим, Юрий Дмитриев и такие, как он, отнюдь не являются врагами нынешней социально-экономической системы. Более того, в 1990-е годы именно они явились создателями одного из ключевых моментов официальной идеологии, которую на самом деле мало волнует трагедия 1937 года и все ее нюансы. В ответ на

любые требования социальной справедливости или пересмотра итогов грабительской приватизации можно заявлять: «Вы что, нового 37-го года хотите? Не хотите, так терпите!»

Очень эффективно. Только тогда официальная идеология не учла одного очень важного аспекта.

«Воспитание народа»

В России много мест захоронений, связанных с 37-м годом. Но почему именно вокруг Сандармоха сейчас развернулась такая истеричная кампания? Почему о нем регулярно пишут западные СМИ? Почему именно в Сандармох приезжают послы стран Европейского Союза? Для ответа на эти вопросы надо процитировать слова из одного интервью Юрия Дмитриева:

«Что я делаю в Сандармохе? Я воспитываю народ. Беру какой-нибудь народ, объясняю им: тут ваши братья убиты, похоронены. Вы же один народ, только вы живые, а они мертвые. Что же вы, сволочи, памятник им не поставите!»

Да, надо признать, что мы действительно имеем дело именно с «воспитанием народов». Всех расстрелянных в Сандармохе Дмитриев разделил строго по национальностям, чтобы представителям каждого народа был положен свой отдельный памятник. Есть памятники украинцам, эстонцам, полякам, латышам, татарам, грузинам, немцам... В одном из своих выступлений Юрий Дмитриев говорил, что хотел, чтобы там были памятники 60 народам.

А теперь задумайтесь над главным смыслом всей этой затеи — представители каждого народа должны приезжать в Сандармох к «своим» памятникам, беречь свои национальные «раны», воспитывать в себе чувство национальной обижённости, которое у многих и так зашкаливает. И конечно — искать виновных. А виновные кто? Хочешь не хочешь, а виновными должны оказаться советские русские. Или просто русские. Которые якобы убили здесь лучших представителей аж целых шестидесяти народов.

На мой взгляд, есть в этом подходе Дмитриева, с установкой именно национальных памятников, чистой воды политическая провокация. Причем циничная провокация с далеко идущими целями. И эти цели — отнюдь не увековечивание памяти тех людей, которых расстреляли в Сандармохе, а совсем иные. Возможно, именно поэтому и численность расстрелянных здесь постоянно раздували. Нужно было придать этому месту именно международное значение.

На примере Сандармоха очень хорошо прослеживается, что постоянное муссирование темы «сталинских репрессий», все эти «Бессмертные бараки» и «Последние адреса» вольно или невольно играют на руку современному неофашизму, все выше поднимающему голову на пространствах Восточной Европы. Когда в Одессе толпа украинских националистов, окончательно потерявших человеческий облик, жгла людей — в «воспитании» этой толпы есть и заслуга деятелей из российского «Мемориала».

С одной стороны, идет фальсификация истории реальных репрессий в Советском Союзе, с другой — из

памяти восточноевропейских народов сознательно стираются чудовищные преступления, совершенные нацистами и их союзниками из числа украинских, прибалтийских и прочих националистов, а также русских коллаборационистов. Массовые расстрелы пленных, уничтожение целых деревень и убийства мирных граждан замещаются ложной памятью о «сталинских репрессиях», которые якобы были чем-то беспрецедентным и которые якобы были направлены на уничтожение абсолютно невинных людей.

В этой связи становится понятной и истерика либеральной общественности, возникшая после того, как историки из Петрозаводского государственного университета Юрий Килин и Сергей Веригин высказали гипотезу, что в Сандармохе могут быть захоронены и советские военнопленные. Ведь в финском плену погибло 19 тысяч красноармейцев. В основном они умерли от голода и тяжелых условий содержания. Больше тысячи из них были расстреляны, что называется, «официально», об этом есть хоть какие-то документы в финских архивах. А несколько тысяч человек, по разным оценкам, от двух до пяти тысяч, куда-то «потерялись». Эти люди были, но документов об их судьбе нет, как и документов о тех местах, где они могли быть расстреляны. Вполне вероятно, что некоторая их часть погибла именно в районе Медвежьегорска.

Сергей Веригин и Юрий Килин лишь опирались на то, что есть как показания наших пленных, так и фото из финского военного архива, это десятки фотографий, сделанных в окрестностях Медвежьегорска. На них советские военнопленные заняты строительными рабо-

Фото из финского военного фотоархива SA-KUVA, сделанное в районе Повенца 23.12.1941, то есть недалеко от Сандармоха. Расстрел двух советских разведчиц

тами на оборонительных сооружениях. Сам же Сандармох был местом промежуточной линии обороны 2-го финского армейского корпуса финской армии. Всегда на возведении таких тыловых линий финнами были задействованы наши пленные. Судьба многих из них печальна.

Казалось бы, что может быть неприемлемого и ужасного в этой научной гипотезе? Ведь петрозаводские историки не опровергали факт расстрелов в Сандармохе в 1937 году, они всего лишь предположили, что в том месте расстреливали и финские оккупанты! Если этот факт будет доказан, в Сандармохе можно и нужно будет установить еще один памятник! Памятник нашим погибшим пленным. Только и всего.

Но в ответ на высказанное Сергеем Веригиным и Юрием Килиным предположение в ряде либеральных СМИ и социальных сетях развернулась ничем не оправданная, злобная и истеричная кампания. Видимо, эта гипотеза петрозаводских историков сама по себе разрушает созданную в 90-е мифологию. Оказывается, что расстреливали не только в СССР, что в первой половине XX века все, даже самые «демократические», страны, каковой ныне почему-то считают маннергеймовскую Финляндию, в той или иной степени прибегали к массовым расстрелам. Или к иным репрессиям по политическим, идеологическим или национальным мотивам.

А для создателей мифа о Сандармохе такой взгляд недопустим, он невольно разрушает их пропагандистские и идеологические конструкции, создаваемые все последние десятилетия. Именно поэтому против версии историков Петрозаводского университета и поднялся шквал совершенно надуманных обвинений.

ЭПИЛОГ

Для чего была написана
эта книга

Повторю еще раз ту простую истину, что в массовых расстрелах людей, кем бы они ни были, нет ничего хорошего и еще Владимир Ильич Ленин писал о том, что «в нашем идеале нет места насилию над людьми». Сандармох — это действительно место трагических событий. Но об этих событиях нужно знать всю правду!

А правда состоит в том, что в местечке Сандармох Медвежьегорского района Карелии в 1937 году действительно были расстреляны заключенные, причем как политические, так и уголовные. От 1,1 тысячи до 2 тысяч человек. Это заключенные первого соловецкого этапа и Белбалтлага. Доказательств, что там же лежат репрессированные жители Карелии, на сегодняшний день не существует, а цифры в 7,5 тысячи или тем более 9,5 тысячи расстрелянных в Сандармохе являются откровенной ложью и сознательной дезинформацией.

Правда состоит в том, что среди этих расстрелянных заключенных были абсолютно разные люди с очень разными судьбами. С каждым из них нужно разбираться отдельно. Тезис о том, что все они были выдающимися представителями своих стран и народов и абсолютно все они в 30-е годы были репрессированы без всяких ос-

нований, не находит своего подтверждения даже в материалах самого общества «Мемориал».

Правда состоит в том, что большая часть людей, принимавших решения по данным массовым расстрелам, уже в 1939 году, еще во время правления Сталина, понесли за свои действия суровое наказание.

Для того и была написана эта книга, чтобы разобраться во всем этом нагромождении фактов, документов, мнений и суждений. Написана не для банального «осуждения» или «оправдания» репрессий 1930-х годов, как может кому-то показаться, а именно в защиту нашего права на объективное понимание тех событий. Поскольку уже много лет мы наглядно наблюдаем их масштабную идеологическую фальсификацию.

Как происходит подобная фальсификация? Так называемые «сталинские репрессии» вырываются из сопутствующей им исторической среды, отрезаются от всех предшествующих событий и начинают рассматриваться исключительно как действия кучки кровавых руководителей страны во главе со Сталиным против миллионов невинных жертв. Но ведь это ложь, причем легко опровергаемая!

Сразу вспоминается, как в полемике против одного реакционного французского историка было высказано сравнение: его интерпретация революции напоминает изображение смертельного сражения двух борцов, на котором фигуру одного из них тщательно замазали, вплоть до полного слияния с фоном этой картины. Оставшийся боец предстает тогда в виде буйнопомешанного маньяка с вытаращенными, налитыми кровью глазами, в неистовом гневе сокрушающего кулаками пустоту.

Именно Сандармох лучше всего показывает методы конструирования этого исторического мифа. Когда берется событие, имевшее место в реальности, но при этом численность погибших сознательно преувеличивается во много раз. В одну кучу, без самого элементарного разбора, смешиваются и невиновные люди, и люди со сложной судьбой, и просто бандиты и убийцы. Затем причины произошедшего подаются в крайне примитивном, лубочном виде.

В дальнейшем сконструированный таким образом исторический миф используется для получения сиюминутных политических выгод определенными силами, используется просто как средство манипуляции и управления широкими массами населения. В 90-е у создателей этого мифа были одни цели, в нынешнее время появились другие.

Но, господа, это ведь издевательство над исторической правдой! Для объективного понимания нужно брать исторический процесс как нечто единое, рассматривая любое событие в связке с другими. Однако именно это, казалось бы, простое и естественное требование понимания не соблюдается. В этой связи зададим себе несколько элементарных вопросов:

Были у нового общества, создаваемого в нашей стране с 1917 года, реальные и многочисленные враги? Были. Хотели ли они сами устроить массовые репрессии против своих противников? Хотели, доказательств этого достаточно. Следовательно, Советская власть имела полное право на самозащиту. В том числе для того, чтобы уберечь от смерти миллионы своих активных сторонников.

Существовали ли в то время реальные шпионы, диверсанты, агенты иностранных разведок? Существовали. Имело ли право тогдашнее государство защищаться от них? Конечно, имело! Любое современное и самое «демократическое» государство не отказывает себе в этом праве.

Существовала ли в 20–30-е годы преступность? Были тогда убийцы, воры, коррупционеры, бандиты? Были. Имело право государство бороться с преступностью, бандитизмом и коррупцией? Не только имело, но и должно было это делать в интересах большинства общества.

Были ли в многонациональной стране, каковой был Советский Союз, националисты, мечтающие о развале единого государства, натравливающие один народ на другой? Были. Необходимо было в этих условиях подавлять любые подобные попытки, приводящие к кровавым межнациональным конфликтам? Да, необходимо, и многие из нас это хорошо знают на собственном жизненном опыте.

Казалось бы, элементарные, простейшие вопросы. Только почему-то не все люди могут честно на них ответить.

Увы, в 1937 году ко всему этому добавились дополнительные исторические обстоятельства, о которых историки вынуждены будут еще долго дискутировать. Система действительно пошла вразнос, нанося удары и по чужим, и по своим, и просто по массе случайных людей. Однако у этих событий тоже есть вполне рациональные объяснения.

Приближение мировой войны и появление во время испанских событий 1936 года понятия «пятая колонна»

вызывало внутреннее напряжение и желание обезопасить страну от подобного явления. При этом в руководстве страны и в партии тоже шла скрытая, но жесткая внутренняя борьба, причем данные процессы затронули и руководство НКВД. И все это происходило одновременно.

Добавьте невысокий уровень правового сознания и своеобразное отношение к закону в преимущественно пока еще крестьянской стране. Причем в крестьянской стране с опытом ожесточенной гражданской войны! Этот опыт также сильно влиял на психологию массы людей, начиная от высшего руководства и заканчивая простыми гражданами. Эти люди не могли быть другими! Сюда надо добавить и имевшиеся проблемы в межнациональных отношениях в огромной стране. На примере нашей Карелии это хорошо видно.

Думается, именно все эти факторы в совокупности создали некий «кумулятивный эффект», который и привел к трагическим событиям 1937–1938 годов. Когда борьба с реальной и потенциальной «пятой колонной» привела к тому, что под каток репрессий попали и виновные, и невинные, и многие из тех, у кого перед государством были старые, причем часто не самые большие грехи.

Конечно, в 1937–1938 годах наша страна пережила серьезный кризис. Но разве подобные события, особенно в переломные времена, не происходили в других странах? С времен буржуазной Великой французской революции хорошо известно, что после победы в среде революционеров, как правило, начинается внутренняя борьба. Это объективная закономерность. А, например, такое явление, как маккартизм, убедительно до-

казывает, что поиск внутренних врагов и расправа над ними — обычное явление в жизни даже якобы «демократического» и образованного общества, привыкшего размахивать по любому поводу лозунгом защиты прав человека.

Вообще, история ни одного современного государства не обошлась без политических репрессий. И не обходится, как мы это можем наблюдать в наши дни в самых разных точках земного шара. В этой связи представлять нашу страну как некий уникальный в мировой истории «Мордор», просто так уничтожавший собственных граждан, очень глупо. Подобный взгляд на историю своей страны свойствен малообразованным, невежественным людям с ярко выраженным комплексом неполноценности.

Более того, совсем уж лживо выглядят утверждения о некой особой кровожадности именно социалистических государств, которые чаще всего были вынуждены защищаться от агрессивного внешнего вмешательства. На самом деле в двадцатом веке антикоммунистические режимы репрессировали гораздо больше людей, чем коммунистические. Уже приводился в пример белый террор в Финляндии в 1918 году, который по своему масштабу далеко превзошел наш 1937–1938 год.

Это же можно сказать о резне коммунистов в Индонезии в 1965 году, репрессиях в Южной Корее в 1940–70-х годах. А еще была Венгрия 1919 года, Испания после победы Франко, Чили при Пиночете, неолиберальная Аргентина и множество других стран, в которых многочисленные убийства при правлениях, выражаясь легендарными словами одного американского президента, «наших су-

киных сынов», были жуткой обыденностью. Но хозяева современного мира хотели бы заставить всех забыть про эти деяния антикоммунистов. Как в известном романе Габриэля Гарсиа Маркеса «Сто лет одиночества», в эпизоде, когда жителям Макондо было приказано забыть о трех тысячах расстрелянных рабочих американской банановой компании. И это почти удалось.

В этой связи возникает и другой вопрос — может ли общество совсем обойтись без репрессий? Да, это теоретически возможно, но только при определенных, конкретно-исторических условиях. Это должно быть общество с одинаковыми экономическими интересами, то есть такое, которое не будет разделено на классы, различающиеся по их отношению к средствам производства. В котором, следовательно, не будет господствующего класса, эксплуатирующего большинство населения. С высоким уровнем развития производства. С принципами социального равенства и солидарности людей. Если человечество еще не смогло полностью реализовать такую модель общественного устройства, то это не значит, что в будущем подобного не случится. Ну а пока мы имеем то, что имеем.

И, пожалуй, последнее о том, для чего писалась эта книга. Во множестве рассуждений о Сандармохе, как и вообще о событиях 1920–30-х годов, тупо, с методичностью молотка, вбивающего гвоздь, в сознание людей вкладывается та нехитрая мысль, что в те годы репрессировали самых «лучших». Следовательно, оставались жить «худшие». Отличным примером этого подхода служит популярный, в определенной среде, стишок некоего гражданина Кохановского:

Сначала били самых родовитых,
Потом стреляли самых работающих,
Потом ряды бессмысленно убитых
Росли из тысяч самых немолчащих.
Среди последних — все интеллигенты,
Радетели достоинства и чести...

Может быть, кто-то и не понимает, но здесь прямо утверждается, что все ваши предки, дедушки и прадедушки, если их не расстреляли при Сталине, — это не работающие интеллигенты, а просто молчавшие лентяи, вдобавок без достоинства и чести. Само собой — не родовитые, просто быдло какое-то. И вот эти убогие вирши, оскорбляющие подавляющую часть нашего народа, набирают в социальных сетях тысячи лайков!

Примерно то же самое заявляет в одной из своих книг активная защитница Юрия Дмитриева писательница Людмила Улицкая: «Из России в двадцатом году ушла белая армия... Наиболее образованные, наиболее честные, не желающие идти на компромисс с большевистской властью... Люди уходят и уносят с собой гены. Изымают из генофонда... А какие качества выживанию способствовали? Осторожность. Скрытность. Способность к лицемерию. Моральная гибкость. Отсутствие чувства собственного достоинства. Вообще, любое яркое качество делало человека заметным и сразу ставило его под удар. Серый, средний, троечник, так сказать, оказывался в преимущественном положении... А теперь, учитывая все эти факторы, можно строить карту генофонда имеющего место быть советского народа».

Употребление слов «генофонд» по отношению к обществу или некоторой его части, объяснение все некими «генами» — это достаточно точный маркер нацистских, фашистских взглядов. Ведь наследуемые гены ни один человек изменить не в состоянии. Это даже не клеймо, это навсегда, из поколения в поколение. На основании подобных рассуждений целый народ можно объявить неполноценным, «генетическим быдлом», а огромную многонациональную страну — кровавым «Мордором». В этом смысле современные российские либералы и обличители «сталинских репрессий» идут по стопам Адольфа Гитлера, также писавшего о «природном рабстве» русских и многих других народов нашей страны. При этом абсолютно неважно, понимают ли они это сами или нет. Они это делают. И это опасно.

Хочется еще добавить, что мы уже устали от крикливых и лицемерных призывов к «покаянию» за наше прошлое. Просто в силу объективных причин каяться за давние исторические события, к которым современные люди не имеют и не могут иметь никакого отношения, бессмысленно и абсурдно. Эти события необходимо сначала изучить и попытаться понять их причины. Вообще, нужна некая прививка от исторического комплекса неполноценности, который уже тридцать лет в нас пытаются развить. Чтобы она защищала бы память миллионов наших предков, которые в те далекие годы жили, учились, честно трудились, растили детей и защищали свою страну. Великую страну.

Если эта книга хоть немного, но будет способствовать такой «исторической» вакцинации, автор сочтет свою задачу выполненной.